

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 17
2026

Учредитель:
УВО «Университет управления «ТИСБИ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Профессор-консультант кафедры международного права Казанского федерального университета д.ю.н. **Г.И.Курдюков** (Председатель), доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета к.ю.н. **А.М.Барнашов** (Томск), профессор кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук д.ю.н. **С.В.Бахин** (Москва), заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. **П.Н.Бирюков** (Воронеж), профессор кафедры международного права Южного федерального университета д.ю.н. **Л.И.Волова** (Ростов), главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета д.ю.н., проф. **В.В.Гаврилов** (Иркутск), главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Краснодарского высшего военного училища им. генерала армии С. М. Штеменко д.ю.н. проф. **Н.И.Костенко** (Краснодар), заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии к.ю.н., доц. **Д.В.Красиков** (Саратов), заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета д.ю.н., проф. **Л.А.Лазутин** (Екатеринбург), руководитель Лаборатории международных и сравнительно-правовых исследований Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. **С.Ю.Марочкин** (Тюмень), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Казанский ф-л) д.ю.н. **Ю.В.Самович**; заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. **Т.Ю.Сидорова** (Красноярск), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН д.ю.н., проф. **В.Л.Толстых** (Новосибирск), заведующий кафедрой мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. **О.О.Хохлышева** (Нижний Новгород), профессор кафедры международного права Белгородского государственного университета д.ю.н., проф. **Е.В. Сафронова** (Белгород).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – кандидат юридических наук, декан юридического факультета Университета управления «ТИСБИ», доцент **С.М. Аламова**

Ответственный секретарь – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ» **Е.Ю. Мотрохин**

Члены редколлегии: доктор юридических наук, профессор **Р.М.Валеев**; доктор юридических наук, профессор **Г.Р.Шайхутдинова**; доктор юридических наук, профессор **Л.Х.Мингазов**; доктор юридических наук, профессор **А.Г.Гатауллин**, доктор юридических наук, профессор **Н.Е.Тюрина**; кандидат юридических наук, профессор **Р.А.Шарифуллин**

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

***Почтовый адрес:** 420012, г. Казань, ул. Муштары, 13. Университет управления «ТИСБИ». Юридический факультет. Заведующему кафедрой конституционного и международного права канд. юрид. наук, доценту **Р.Н. Салиевой**

***Адрес электронной почты:** pravo.tisbi@mail.ru

***Факс:** 8 – (843) – 294-83-23

***Интернет-сайт:** www.kznjil.ru

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителя журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Бирюков П.Н. Механизмы замораживания и конфискации преступных доходов в ЕС.....	6
Рахмонзода Д.А. Искусственный интеллект и международное право: вопросы регулирования.....	15
Казалиев А.И. Жак Вержес — «адвокат дьявола».....	25
Аламова С.М. Проблемы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде: международно-правовой аспект.....	30
Матвеев Г.В. Проблемы реализации международных трудовых стандартов в России.....	37
Мотрохин Е.Ю. Правовые принципы и стандарты судебного процесса: понятие и правовая природа.....	41
Солдатова А.В., Солдатов Я.В. Обеспечение и защита прав человека в условиях гибридных войн.....	50
Салиева Р.Н. Международно-правовое регулирование биологической безопасности при трансграничном перемещении живых организмов.....	54
Гаранина И.Г. Международно-правовые стандарты репродуктивного здоровья и репродуктивных прав человека в рамках ООН.....	62
Губушкин П.А. Юридическая защита граждан России, находящихся за границей: современные проблемы и практика.....	67
Зиганшин Р.Р. Процессуальные ошибки как основание для апелляционного пересмотра приговоров в международных трибуналах ad hoc.....	76
Морозова С.И. Правовая природа нормативно-правовых актов БРИКС.....	82
Манзанга О.К. (интервью) Интервью с ученым из Демократической Республики Конго.....	88

Уважаемые друзья и коллеги!

Перед вами специальный выпуск «Казанского журнала международного права и международных отношений», который мы посвящаем светлой памяти нашего главного редактора — Александра Борисовича Мезяева.

Этот номер мы готовили с особым чувством — глубокой грусти и огромной благодарности. Александр Борисович был не просто руководителем издания, он был его душой, его научным ориентиром. С 2007 года он стоял у руля журнала, сначала как заместитель главного редактора, а затем как главный редактор. Ему мы обязаны тем, что издание стало авторитетной площадкой для дискуссий по вопросам международного права, местом встречи разных научных школ.

В этом выпуске мы собрали статьи тех, кто знал Александра Борисовича лично, кто учился у него, работал с ним и разделял его научные устремления. Мы надеемся, что этот сборник станет не только данью памяти, но и продолжением его дела — ведь лучший способ почтить Ученого — это развивать идеи, которым он служил.

Благодарим вас за то, что вы разделяете нашу грусть и нашу общую приверженность науке международного права. Желаем журналу, издательству ТИСБИ, авторам выпуска, всем читателям вдохновения, плодотворной работы и новых достижений.

Редакция «Казанского журнала
международного права и международных отношений»

О СПЕЦИАЛЬНОМ ВЫПУСКЕ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Уважаемые коллеги, друзья, читатели!

Этот специальный выпуск «Казанского журнала международного права и международных отношений» посвящен светлой памяти Александра Борисовича Мезяева - человека, чье имя на протяжении многих лет было неразрывно связано с нашим изданием, а его уход 23 апреля 2025 г. стал невосполнимой утратой для всего международно-правового сообщества.

Александр Борисович стоял у истоков журнала, а с 2007 г. занимал должность заместителя главного редактора, впоследствии став главным редактором издания. Под его руководством «Казанский журнал международного права и международных отношений» превратился в авторитетную научную площадку, на которой обсуждались самые актуальные проблемы современного международного права.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ» - за этими званиями стояла жизнь, без остатка посвященная науке и служению праву. Его научные интересы были обширны и глубоки: международное уголовное право, проблемы имплементации его норм, деятельность международных судебных учреждений. Он был не просто теоретиком - он был практиком высочайшего уровня. В 2011-2016 годах Александр Борисович выступал в качестве адвоката в Международном трибунале по бывшей Югославии, защищая обвиняемых, а также практиковал в Международном уголовном суде. Он инициировал создание Группы юристов Российской Ассоциации международного права по наблюдению за процессом против Слободана Милошевича, лично присутствовал на заседаниях по делу Воислава Шешеля. Его практический опыт в сочетании с фундаментальными научными знаниями делали его голос особенно весомым.

Особого упоминания заслуживает его многогранная международная деятельность. Александр Борисович был приглашенным профессором Университета Йоханнесбурга и Почетным консулом Намибии в Казани. Он был настоящим гражданином мира, который строил мосты между правовыми системами и культурами.

Мы надеемся, что этот номер журнала станет достойным памятником Ученому с большой буквы, Учителю, Человеку неотъемлемого гуманизма, всегда готовому прийти на помощь.

Александр Борисович Мезяев навсегда останется в нашей памяти и в истории международно-правовой науки. Светлая ему память.

В этом выпуске мы собрали работы коллег, учеников и соратников Александра Борисовича. Темы статей отражают тот широкий спектр проблем, которыми он занимался на протяжении своей яркой научной карьеры.

Центральное место в журнале занимает статья Павла Николаевича Бирюкова - известного российского ученого-международника, члена редакционного совета журнала, принимавшего совместное участие с А.Б. Мезяевым в крупных международно-правовых форумах. Научные интересы Бирюкова П.Н. -

соотношение международного и внутригосударственного права, международное сотрудничество в борьбе с преступностью, право Европейского союза.

Рахмонзода Дилшоди Азизпур - ученый-правовед из Таджикистана, специализируется в области международного права и информационной безопасности. В 2023 г. под ее руководством команда магистрантов Российско-Таджикского (Славянского) университета успешно прошла отборочный тур ежегодного Конкурса по международному гуманитарному праву им. Ф.Ф. Мартенса, проходившего в Ярославской области.

Казалиев Абдулла Изадуллаевич - адвокат из республики Дагестан (г. Хасавюрт), его статья, посвященная 100-летию легендарного французского адвоката мэтра Жака Вержеса (адвоката дьявола), не попала в предыдущий номер журнала. Как оказалось, Александр Борисович был знаком с легендарным Жаком Вержесом лично, брал у него интервью и вместе с ним работал по делу Слободана Милошевича.

Аламова Светлана Мухаметовна - кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Университета управления «ТИСБИ», в стенах которого до последних дней Александр Борисович щедро делился своими знаниями, воспитал целую плеяду учеников и создал собственную научную школу. Научные работы С.М. Аламовой связаны с исследованием процесса трансформации традиционных институтов интеллектуальной собственности под влиянием новых технологий.

Коллеги Александра Борисовича по Университету управления «ТИСБИ», которые были связаны совместной профессиональной деятельностью, навсегда сохраняют теплые воспоминания об этом умном, добром, мягком, с удивительным чувством юмора Человеке: Г.В. Матвеев, Е.Ю. Мотрохин, Р.Н. Салиева, А.В. Солдатова, Я.В. Солдатов, А.Р. Хайруллина, а также коллеги А.Б. Мезяева из других вузов: И.Г. Гаранина.

Ученики Александра Борисовича, аспиранты Университета управления «ТИСБИ» и Казанского (Приволжского) федерального университета: П.А. Губушкин, Р.Р. Зиганшин, С.И. Морозова.

Интервью с ученым из Демократической Республики Конго (ДРК), г. Киншаса Манзанга Овид Кпанья показывает, насколько умным, дружелюбным и отзывчивым был профессор.

А.Б. Мезяев известен своей смелой и подчас жесткой, но аргументированной критикой западной модели международного правосудия. Международное право для него было не просто абстрактной теоретической конструкцией, а важнейшим инструментом защиты государственного суверенитета и справедливости, в основе которого должны лежать не политическая конъюнктура, а строгое следование правовым нормам и принципам. Фигура А.Б. Мезяева - это пример ученого, который не боится формулировать неудобные вопросы и чей голос вносит важный вклад в развитие российской и мировой науки международного права.

ЗАМОРАЖИВАНИЕ И КОНФИСКАЦИЯ АКТИВОВ В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Бирюков П.Н.¹

Аннотация. В статье идет речь о разработанных в ЕС механизмах замораживания и конфискации преступно полученных доходов. Автор делает периодизацию регламентации замораживания и конфискации орудий и доходов от преступлений в ЕС. Рассматриваются Рамочные решения, Директивы и Регламенты, которые используются в ЕС в целях пресечения использования нелегальных доходов в дальнейшей преступной деятельности. Анализируются Европейские ордера, основания и способы их применения. Автор исследует преимущества коммунитарных инструментов правовой помощи по уголовным делам. Большое внимание уделяется цифровизации процесса передачи поручений о правовой помощи и получения доказательств. Подробно рассматривается система e-CODEX, которая обеспечивает цифровую связь между судами государств ЕС. Детально изучается вопрос о защите прав участников уголовного судопроизводства. Автор делает вывод о перспективности опыта ЕС в сфере борьбы с преступностью.

Ключевые слова: Европейский Союз, борьба с преступностью, Европейские ордера, замораживание имущества, конфискация преступных доходов.

Abstract. The article discusses the mechanisms developed in the EU for freezing and confiscating criminal proceeds. The author provides a periodization of the regulation of freezing and confiscation of the means and proceeds of crime in the EU. The article examines the Framework Decisions, Directives, and Regulations used in the EU to prevent the use of illegal proceeds in further criminal activities. The article analyzes the European Warrants, their grounds, and methods of application. The author explores the advantages of the EU's legal assistance tools for criminal cases. Much attention is paid to the digitalization of the process of transmitting requests for legal assistance and obtaining evidence. The e-CODEX system, which provides digital communication between the courts of EU member states, is examined in detail. The issue of protecting the rights of participants in criminal proceedings is studied in detail. The author concludes that the EU's experience in combating crime is promising.

Keywords: European Union, combating crime, European warrants, freezing of property, confiscation of criminal proceeds.

Введение

Замораживание и конфискация орудий и доходов от преступной деятельности являются одними из наиболее эффективных средств борьбы с преступностью, которая зачастую носит транснациональный характер. Поэтому эффективное сотрудничество государств имеет важное значение для замораживания и

¹ Бирюков Павел Николаевич - д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного ун-та. - Воронеж, Россия. - birukovpn@yandex.ru.

конфискации орудий и доходов от преступлений, хранящихся за рубежом. Правовое регулирование борьбы с нелегальными доходами в ЕС основано на принципе взаимного признания судебных актов стран ЕС. Арест находящегося в пределах ЕС имущества позволяет лишить виновных возможности извлекать выгоду из преступного поведения и предотвратить повторное инвестирование преступно нажитого имущества для продолжения незаконной деятельности, а также, чтобы обеспечить возможную конфискацию. В указанных целях в рамках ЕС разработаны механизмы, обеспечивающие замораживание и последующую конфискацию преступно нажитого имущества.

Основное исследование

В регламентации замораживания и конфискации орудий и доходов от преступлений в ЕС отчетливо прослеживаются три этапа.

Впервые в документах ЕС замораживание и конфискация активов преступников в качестве центральных целей правоохранительной деятельности были заявлены на Европейском совете в Тампере 15 и 16 октября 1999 г. «Преступники не должны находить способы использовать различия в судебных системах государств-членов. Судебные решения и постановления должны уважаться и исполняться на всей территории Союза; при этом должна обеспечиваться базовая правовая определенность людей и экономических операторов».

Первый этап (2000-2010 гг.)

В указанных целях в 2000 г. была принята Конвенция ЕС о взаимной правовой помощи. По Конвенции запросы о помощи в письменной форме должны подаваться, передаваться и выполняться непосредственно судебными органами. Суды, полицейские и таможенные органы стран ЕС получили право напрямую связываться друг с другом. Конвенция дополнила Конвенцию Совета Европы о взаимной помощи по уголовным делам 1959 г. и Протокол к ней 1978 г., сформировав конвенционный механизм взаимодействия в борьбе с преступностью.

Затем наступил черед развития коммунитарных инструментов правовой помощи. Долгое время правовая база ЕС в отношении взаимного признания судебных актов о замораживании и о конфискации состояла из Рамочных решений Совета. Решения выносились в рамках «Третьей опоры ЕС» и представляли собой аналог Директив ЕС.

В частности, Решение 2003/577/ЈНА устанавливало правила признания и исполнения государствами ЕС Ордера (приказа) о замораживании (Freezing order), изданного судом другой страны-члена ЕС в ходе уголовного судопроизводства. Решение было нацелено на предотвращение сокрытия, продажи или использования обвиняемыми имущества, документов либо данных о преступной деятельности. Ордер применялся также для замораживания доказательств и документов. Таким образом, Ордер обеспечивал получение доказательств для суда и последующего приговора с конфискацией имущества.

В Решении 2006/783/ЈНА предусматривалось взаимное признание постановлений о конфискации путем вынесения соответствующего ордера (Confiscation order). Ордер о конфискации направлялся в другое государство-член

ЕС, если у суда имелись разумные основания полагать, что соответствующее лицо или компания имеют имущество или доход. Ордер мог направляться сразу в несколько стран Союза, если: а) имущество не было заморожено в соответствии с Рамочным решением Совета 2003/577/ЈНА; или б) имущества, подлежащего конфискации, было недостаточно в выдавшем Ордер государстве для покрытия всей суммы по приговору.

В соответствии с указанными Решениями издавший Ордер суд направляет сертификат (Certificate) суду исполняющего государства. Получив указанный документ, государство должно: а) без дополнительных формальностей признать иностранный Ордер и принять необходимые меры для его немедленного исполнения; б) соблюдать процедуры, запрошенные выдавшим Ордер государством (если они не противоречат «основополагающим принципам права» исполняющего государства).

Рамочное решение 2008/978/ЈНА закрепило Европейский доказательственный ордер (European evidence warrant). Посредством этого документа имущество, предметы и документы могли быть получены из других государств ЕС. Ордер выдавался компетентными органами, которые определялись государствами самостоятельно². Для признания и исполнения Ордера страны ЕС также назначали соответствующие структуры.

Вместе с тем, указанные Решения не были в полной мере имплементированы в странах ЕС, применялись неединообразно, что привело к проблемам во взаимном признании судебных актов. Поэтому уже 2010 г. в Стокгольмской программе Союз поставил задачу «обеспечить более эффективное выявление, конфискацию преступных активов». Наступил новый этап формирования правовой базы по признанию и исполнению судебных актов в ЕС.

Второй этап (2010-2018 гг.)

С 2010 г. в ЕС было принято большое количество актов вторичного права, регулировавших различные вопросы выявления и изъятия преступных доходов: и деятельность правоохранительных органов, и права привлекаемых к ответственности лиц. В этот момент принимались директивы, которые государства имплементировали в национальное законодательство³.

Так, Директива 2010/64/EU о праве на перевод в уголовном судопроизводстве установила минимальные правила относительно обеспечения права на перевод как в уголовном процессе в целом, так и в ходе исполнения Европейского ордера на арест (далее - ЕОА)⁴.

Директива 2012/13/ЕС о праве на информацию в уголовном судопроизводстве зафиксировала минимальные стандарты прав участников уголовного процесса.

Директива 2013/48/ЕС о праве на доступ к адвокату, на контакт с третьими лицами и консульскими органами в случае задержания обеспечила гарантии подозреваемым и обвиняемым в уголовном процессе в целом и в процедуре

² См. подробнее: Бирюков, П.Н. Европейский доказательственный ордер // Российский судья. - 2010. - № 5. - С. 23-28; Международная правовая помощь по уголовным делам: Учебное пос. / В.И. Самарин, Г.М. Третьяков, В.М. Козел / Под ред. В.И. Самарина. - Минск: БГУ, 2022. - 307 с. и др.

³ См. подробнее: Кашкин, С.Ю. Право Европейского Союза: Учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Кашкина. - 5-е изд. - М.: Юрайт, 2023. - 368 с.

⁴ См.: van der Mei, Anne Pieter. The European Arrest Warrant system: Recent developments in the case law of the Court of Justice // Maastricht Journal of European and Comparative Law. - 2017. - № 24 (6). - Pp. 882-904.

выдачи лица в ходе разбирательств по Одеру на арест, в частности.

Указанные документы активно имплементировались на национальном уровне. В то же время нормы о взаимном признании судебных актов о замораживании и конфискации не поспевали за изменениями в праве Союза и национальном законодательстве. Поэтому институты ЕС продолжили работу над совершенствованием вторичного права в данной области.

Директива 2014/41/ЕС о Европейском следственном ордере упростила трансграничные уголовные расследования в ЕС. Новый вид Ордера (European Investigation Order) позволил судам запрашивать доказательства из другого государства ЕС. Участники обязались признавать и выполнять ЕСО, быстро и без дополнительных формальностей. Директива установила сроки для сбора запрашиваемых доказательств и четкий перечень оснований для отказа в запросах; была также введена единая форма сертификата⁵. Директива заменила действующие схемы взаимной правовой помощи ЕС (Конвенцию 2000 г. и Рамочное решение 2008/978/ЈНА).

Следующим шагом стала Директива 2014/42/EU о замораживании и конфискации имущества, которая закрепила минимальные стандарты осуществления указанных процессуальных действий. Она применяется в отношении изъятия орудий и доходов от преступлений, расширенной конфискации и конфискации у третьих лиц. Директива облегчила правоохранителям изъятие и возвращение доходов от преступлений и орудий преступной деятельности в пределах ЕС (кроме Великобритании и Дании).

Целью Директивы 2016/343 стало обеспечение: во-первых, презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве; и, во-вторых, права обвиняемого присутствовать на ведущемся в отношении него процессе. Положения Директивы применяются на всех стадиях процесса - с момента возникновения подозрения или обвинения лица до вынесения приговора. Интересная норма содержалась в ст. 5 Директивы. Она предусматривала расширенные полномочия относительно конфискации и упрощала ее процедуру. Статья 6 Директивы допускала конфискацию, если имущество было передано подозреваемым третьему лицу или напрямую приобретено третьим лицом, которое должно было понимать, что оно получено в результате преступной деятельности.

Таким образом, ЕС продолжил содействовать развитию института трансграничного возврата преступных активов и конфискации средств нелегального происхождения. Имплементация на национальном уровне привела к формированию общей правовой базы, что позволило приступить к изданию актов прямого действия – Регламентов.

Третий этап (2018 г. - настоящее время)

Накопленный нормативный материал и практика применения обеспечили принятие Регламента 2018/1805 о взаимном признании Ордера о замораживании и Ордера о конфискации. С 19 декабря 2020 г. Регламент заменил положения: а) Рамочного решения 2003/577/ЈНА; б) Рамочного решения 2006/783/ЈНА.

⁵ См. подробнее: Бирюков, П.Н. Европейский следственный ордер // Современное международное право: глобализация и интеграция: сб. науч. ст. LIBER AMICORUM в честь проф. П.Н. Бирюкова / Отв. ред. А.Я. Капустин. - Воронеж: ИД ВГУ, 2016. - С. 244-249; Бирюков, П.Н. Имплементация в государствах-членах ЕС правил о Европейском следственном ордере // Вестник СПбГУ. - 2019. - № 3. - С. 566-576.

Регламент обозначил новую ступень сотрудничества в сфере признания иностранных актов о конфискации незаконно полученных доходов. Он предусмотрел два Ордера - о замораживании (Freezing orders) и конфискации (Confiscation orders). Документ закреплял следующие правила в сфере взаимного признания судебных актов стран ЕС:

1. Судебные акты по уголовным делам, принятые в одной стране ЕС, напрямую признаются и исполняются в государствах Союза.

2. Перечень оснований отказа в признании и неисполнении иностранных актов ограничен (ст. 8). Исполняющий орган может принять решение не признавать или не исполнять Ордер в случаях, если:

а) исполнение Ордера противоречило бы принципу *ne bis in idem*;

б) существующие привилегия и иммунитеты по законодательству исполняющего государства препятствуют замораживанию имущества, или существуют правила ограничения уголовной ответственности, которые относятся к свободе прессы или свободе выражения мнений в СМИ, которые препятствуют исполнению ордера замораживанию;

с) сертификат является неполным или явно ошибочным;

д) ордер касается преступления, совершенного полностью или частично за пределами территории выдавшего его государства либо полностью или частично на территории исполняющего государства, либо деяние, в связи с которым был выдан Ордер, не является преступлением по законодательству исполняющего государства.

3. Ордера исполняются без проверки правила двойной преступности в отношении деяний, послуживших основанием для их вынесения, если эти деяния наказываются в выдавшем государстве лишением свободы на срок не менее трех лет и представляют собой одно или несколько из следующих преступлений по законодательству выдавшего Ордер государства (участие в преступной организации, терроризм, торговля людьми и др.). В отношении иных преступлений исполняющее государство может обусловить признание и исполнение Ордера наличием указанных деяний в УК, независимо от его составных элементов.

4. Установлены сроки для признания и исполнения: 45 дней - ордера о конфискации; 48 часов - ордера о замораживании.

5. После исполнения постановления о замораживании и после решения о признании и исполнении постановления о конфискации исполняющий орган должен, насколько это возможно, информировать известных ему затронутых лиц о таком исполнении или таком решении.

6. Закреплены положения, гарантирующие соблюдение прав лиц, необоснованно привлеченных к ответственности, включая право на компенсацию и реституцию.

К Регламенту прилагаются сертификаты (Freezing certificate и Confiscation certificate), содержащие перечень необходимых сведений для исполнения ордера.

Таким образом, Регламент дополнял уже действующее право ЕС относительно механизма сотрудничества правоохранительных органов и судов по уголовным делам. В их числе: а) замораживание и конфискацию орудий и

доходов от преступлений⁶; б) следственные ордера; в) право на доступ к адвокату⁷; г) право на информацию; д) право на перевод; е) презумпция невиновности.

Интересно отметить, что исполнение приговора суда о конфискации в принципе не является обязанностью суда, вынесшего постановление. Каждое государство само решает этот вопрос. Так, по законодательству Люксембурга Признание и исполнение постановления о замораживании, переданного выдающим органом другого государства-члена, возлагаются на следственного судью, который был бы компетентен, если бы преступление было совершено в Великом Герцогстве Люксембург. Исполнение же приговоров (включая конфискации) возложено на государственного прокурора, Закон предусматривает, что последний уполномочен выдавать свидетельства о конфискации после вынесения окончательных решений о конфискации судами⁸.

Вместе с тем, развитие сотрудничества правоохранителей государств-членов, органов и агентств ЕС с физическими и юридическими лицами Союза нуждалось в оформлении цифровыми коммуникациями.

2 декабря 2020 г. Еврокомиссия в сообщении «Цифровизация правосудия в Европейском Союзе - набор возможностей»⁹ указала на необходимость модернизации законодательной базы трансграничных процедур Союза в гражданском, коммерческом и уголовном праве на основе «цифровизации по умолчанию».

Государства Союза должны сократить существующие различия в отношении цифровизации систем правосудия и воспользоваться возможностями, предоставляемыми коммунитарными механизмами. В ЕС разрабатывался инструмент для цифрового обмена данными. Был утвержден Регламент 2022/850 о компьютеризированной системе трансграничного электронного обмена данными в области судебного сотрудничества по гражданским и уголовным делам (система e-CODEX).

Система e-CODEX обеспечивает цифровую связь между национальными судебными системами государств ЕС. Она позволяет своим пользователям (компетентным судебным органам, правоохранителям, адвокатам и частным лицам) отправлять и получать документы, юридические формы, доказательства или другую информацию быстро, безопасно и надежно в электронном формате¹⁰.

Регламент закрепляет правила в отношении: а) определения, состава, функций и управления системой e-CODEX; б) обязанности Агентства Европейского союза по оперативному управлению крупномасштабными ИТ-системами в

⁶ См.: Calavita, O. Mutual Recognition of Freezing and Confiscation Orders in the EU: What Issues are at Stake? // Eu-CLR European Criminal Law Review. - 2022. - Vol. 12. - Issue 3. - Pp. 264-285.

⁷ См.: Brandão, N. The right of defence under Regulation (EU) 2018/1805 on the mutual recognition of freezing orders and confiscation orders // New Journal of European Criminal Law. - 2022. - Vol. 13. - Issue 1.

⁸ New draft law implements Regulation on mutual recognition of freezing and confiscation orders throughout the EU. - 19.01.2023. - <https://www.linklaters.com/ru-ru/insights/blogs/businesscrimelinks/2023/january/new-draft-law-provides-for-the-mutual-recognition>.

⁹ Digitalisation of justice in the European Union: A toolbox of opportunities (COM/2020/710 final). - <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52020DC0710>.

¹⁰ См.: Собирающие электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. - М.: Проспект, 2022. - 168 с.; Brodowski, D. Die Digitalisierung der strafjustiziellen Zusammenarbeit in der EU // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. - 2023. - Vol. 135(3).

области свободы, безопасности и правосудия (eu-LISA)¹¹ в отношении e-CODEX; в) обязанностей Еврокомиссии, государств-членов и структур, использующих авторизованные точки доступа e-CODEX; г) безопасности системы e-CODEX.

В настоящее время e-CODEX является основным инструментом для обеспечения быстрого и безопасного трансграничного электронного обмена данными между правоохранителями¹². Данный инструмент позволил приступить к дальнейшему совершенствованию правовой базы об аресте и конфискации нелегальных зарубежных активов.

В этих целях был принят Регламент 2023/2844 о цифровизации судебного сотрудничества и доступе к правосудию по трансграничным гражданским, коммерческим и уголовным делам, а также о внесении изменений в некоторые законы в области судебного сотрудничества.

Регламент 2023/2844 изложил в новой редакции положения Регламента 2018/1805. В частности, орган, исполняющий Ордер о замораживании, отчитывается перед выдавшим органом о его исполнении, включая описание замороженного имущества и, если возможно, оценку его стоимости (ст. 7). Согласно п. 3 ст. 8 любое решение об отказе в признании Ордера принимается без задержки и немедленно доводится до сведения выдавшего органа». В соответствии с п. 6 ст. 18 Регламента «как только исполнение Ордера о конфискации будет завершено, исполнивший орган должен информировать выдавший орган о результатах исполнения». Закреплены и другие новеллы, анализ которых произведен отдельно.

Таким образом, Регламент 2023/2844 закрепляет цифровые коммуникации правоохранителей по делам, которые подпадают под действие документов ЕС, перечисленных в двух Приложениях.

Приложение I посвящено сотрудничеству по гражданским и коммерческим делам и включает в себя 13 коммунитарных актов. В их числе: Директива 2003/8/ЕС об улучшении доступа к правосудию в трансграничных спорах; Регламент № 1896/2006 о создании Европейского приказа о платеже; Регламент № 861/2007 об установлении Европейской процедуры рассмотрения мелких исков; Регламент № 1215/2012 о юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам и др.

Приложение II охватывает 11 документов в уголовно-правовой сфере. Назову лишь некоторые из них: Рамочное решение Совета 2002/584/ЈНА о Европейском ордере на арест и процедурах передачи между государствами-членами; Рамочное решение Совета 2003/577/ЈНА об исполнении в Европейском союзе постановлений о замораживании имущества или доказательств; Рамочное решение Совета 2006/783/ЈНА о применении принципа взаимного признания к постановлениям о конфискации; Регламент 2018/1805 о взаимном признании приказов о замораживании и приказов о конфискации и др.

В Регламенте также закреплено взаимодействие между органами и

¹¹ European Union Agency for the Operational Management of Large-Scale IT Systems in the Area of Freedom, Security and Justice (eu-LISA). - <https://www.eulisa.europa.eu>.

¹² См.: Бирюков, П.Н. Цифровизация правосудия по гражданским делам: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. - 2022. - № 2. - С. 3-7; Gál Andor. New Area of Judicial Cooperation on Criminal Matters in the European Union: The Transmission of Electronic Evidence between Member States // Studia Iuridica Lublinensia. -2024. - Vol 33. - № 5. - Pp. 69-85.

агентствами Союза (Европейской прокуратурой, Евроюстом¹³) в случаях, когда они компетентны по документам, перечисленным в Приложении II.

В настоящее время в ЕС продолжается работа над текстами новых коммунитарных актов в сфере признания и исполнения судебных постановлений относительно ареста и конфискации преступных доходов¹⁴.

Как видим, Регламент направлен на повышение эффективности судебных процедур и облегчение доступа к правосудию путем цифровизации существующих каналов связи. Это привело к экономии средств и времени, снижению административного бремени и повышению устойчивости в форс-мажорных обстоятельствах для всех органов, участвующих в трансграничном судебном сотрудничестве.

Заключение

Таким образом, сотрудничество в ЕС основано на принципе взаимного признания и немедленного исполнения судебных актов. При этом признаваемые документы должны приниматься в соответствии с принципами законности, субсидиарности и пропорциональности.

Коммунитарные механизмы сотрудничества устанавливают единый порядок, охватывающий как замораживание, так и конфискацию нелегального имущества. При этом правовые инструменты ЕС напрямую применяются в странах-членах.

Права лиц, затронутых ордерами о замораживании или о конфискации, должны быть защищены. К ним относятся не только граждане и юридические лица, в отношении которых был издан Ордер, но и любые третьи лица, чьи права напрямую ущемляются, включая добросовестных владельцев. Данный вопрос относится к компетенции правоохранителей исполняющего его государства.

Интересно отметить, что документы ЕС ограниченно могут применяться и в отношении третьих стран (Исландии, Норвегии, Швейцарии и Лихтенштейна).

Опыт ЕС в данной области представляет интерес и для взаимоотношений России с дружественными государствами. Коммунитарные инструменты взаимодействия по уголовным делам имеют определенные преимущества перед конвенционными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, П.Н. Европейский доказательственный ордер // Российский судья. - 2010. - № 5. - С. 23-28.
2. Бирюков, П.Н. Имплементация в государствах-членах ЕС Правил о Европейском следств. ордере // Вестник СПбГУ. - 2019. - № 3. - С. 566-576.
3. Бирюков, П.Н. Европейский следственный ордер // Современное международ. право: глобализация и интеграция: Сб. науч. ст. LIBER AMICORUM в честь проф. П.Н. Бирюкова / Отв. ред. А.Я. Капустин. - Воронеж: ИД ВГУ, 2016. - С. 244-249
4. Кашкин, С.Ю. Право Европейского Союза: Учебник для вузов / Под ред.

¹³ См.: Riehle, C. Eurojust Note on New Freezing and Confiscation Regulation. - 12 February 2021. - <https://eucrim.eu/news/eurojust-note-on-new-freezing-and-confiscation-regulation>.

¹⁴ См.: Ronsfeld, P. Mutual Recognition and Mutual Trust. The Cambridge Companion to European Criminal Law / Ed. by Kai Ambos and Peter Rackow. - Cambridge University Press, 2023. - Pp. 131-154.

С.Ю. Кашкина. - 5-е изд. - М.: Юрайт, 2023. - 368 с.

5. Международная правовая помощь по уголовным делам: Учебное пос. / В.И. Самарин, Г.М. Третьяков, В.М. Козел / Под ред. В.И. Самарина. - Минск: БГУ, 2022. - 307 с.

6. Собираение электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. - М.: Проспект, 2022. - 168 с.

7. Brandão, N. The right of defence under Regulation (EU) 2018/1805 on the mutual recognition of freezing orders and confiscation orders // New Journal of European Criminal Law. - Vol. 13 - Issue 1. - March 2022.

8. Calavita, O. Mutual Recognition of Freezing and Confiscation Orders in the EU: What Issues are at Stake? // EuCLR European Criminal Law Review. - 2022. - Vol. 12. - Issue 3. - Pp. 264-285.

9. Gál Andor. New Area of Judicial Cooperation on Criminal Matters in the European Union: The Transmission of Electronic Evidence between Member States // Studia Iuridica Lublinensia. - 2024. - Vol 33. - № 5. - Pp. 69-85.

10. Brodowski, D. Die Digitalisierung der strafjustiziellen Zusammenarbeit in der EU // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. - 2023. - Vol. 135 (3).

11. Van der Mei, Anne Pieter. The European Arrest Warrant system: Recent developments in the case law of the Court of Justice // Maastricht Journal of European and Comparative Law. - 2017. - № 24 (6). - Pp. 882-904.

12. New draft law implements Regulation on mutual recognition of freezing and confiscation orders throughout the EU. - 19.01.2023. - <https://www.linklaters.com/ru-u/insights/blogs/businesscrimelinks/2023/january/new-draft-law-provides-for-the-mutual-recognition>.

13. Riehle, C. Eurojust Note on New Freezing and Confiscation Regulation. - 12 February 2021. - <https://eucrim.eu/news/eurojust-note-on-new-freezing-and-confiscation-regulation>.

14. Ronsfeld, P. Mutual Recognition and Mutual Trust. The Cambridge Companion to European Criminal Law / Ed. by Kai Ambos and Peter Rackow. - Cambridge University Press, 2023. - Pp. 131-154.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рахмонзода Дилшоди Азизпур¹⁵

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия искусственного интеллекта, а также анализируются тенденции формирования международно-правовых норм, направленных на регулирование его разработки и применения. Автор фокусирует внимание на процессе выработки резолютивных положений в рамках деятельности Организации Объединенных Наций, на базе которой реализуется многостороннее сотрудничество государств. В статье также исследуются отдельные вопросы правовой ответственности за использование технологий искусственного интеллекта, связанные с их применением, и формулируются обоснованные выводы.

Ключевые слова: международное право, искусственный интеллект, Генеральная Ассамблея ООН, автономные системы, международное гуманитарное право.

Abstract. This article examines theoretical and legal approaches to defining the concept of artificial intelligence, also analyzes current trends in the development of international legal norms aimed at regulating its development and application. The author focuses on the process of developing resolutions within the framework of the United Nations, which serves as the foundation for multilateral cooperation between states. The article also examines specific issues of legal liability for the use of artificial intelligence technologies and their application, and formulates substantiated conclusions.

Keywords: international law, artificial intelligence, UN General Assembly, autonomous systems, international humanitarian law.

В последнее время стремительное развитие технологий искусственного интеллекта оказывает все более существенное влияние на международные отношения и процессы глобального управления. Искусственный интеллект, оставаясь предметом научных исследований, превратился в один из основных факторов экономической, политической и военной трансформации современного мира. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о месте и роли международного права в регулировании разработки и применения систем искусственного интеллекта.

Современные достижения в данной области обуславливают возникновение принципиально новых вызовов для международно-правовой системы. К их числу относятся вопросы международной ответственности государств, обеспечения и защиты прав человека, а также поддержания международной

¹⁵ Рахмонзода Дилшоди Азизпур - канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-математических дисциплин Института мировой экономики и международных отношений Междунар. ун-та туризма и предпринимательства Таджикистана, Республика Таджикистан, г. Душанбе. - E-mail: rahmonzoda90@bk.ru.

безопасности. Применение технологий искусственного интеллекта в военной сфере, киберпространстве, трансграничной обработке данных и глобальной цифровой экономике требует выработки согласованных международных норм и стандартов.

Вместе с тем, существующая система международного права формировалась в условиях, когда технологии с высоким уровнем автономности отсутствовали, что обуславливает необходимость адаптации действующих правовых норм, а в ряде случаев - разработки новых международно-правовых механизмов, способных адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи. В данном контексте весьма важное значение приобретает деятельность международных организаций, а также многостороннее сотрудничество государств, направленное на выработку универсальных подходов к регулированию искусственного интеллекта.

Концепция искусственного интеллекта сформировалась сравнительно недавно в исторической перспективе. Само понятие «искусственный интеллект» вошло в научный оборот благодаря Джону Маккарти, который предложил и закрепил этот термин в 1956 г. в ходе первой специализированной конференции, посвященной данной области исследований¹⁶.

Несмотря на интенсивное развитие исследований и значительное количество разработок в данной сфере, в научном сообществе по-прежнему отсутствует единое общепринятое определение искусственного интеллекта. Иными словами, на сегодняшний день не сформулировано такое универсальное толкование данного понятия, которое бы получило безусловное признание среди всех специалистов, занимающихся как теоретическими, так и прикладными аспектами этой области¹⁷. В данной связи представляется целесообразным обратиться к ряду научных подходов, к определению понятия искусственного интеллекта с целью его осмысления.

Согласно С. Расселу и П. Норвигу, искусственный интеллект – это область компьютерной науки, изучающая и создающая вычислительные системы и интеллектуальные агенты, способные моделировать умственные способности человека, воспринимать, рассуждать и выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта¹⁸.

Представленное определение, сформулированное С. Расселом и П. Норвигом, отражает современное научное понимание искусственного интеллекта как междисциплинарной области, находящейся на стыке компьютерных наук и когнитивистики, и акцентирует внимание не только на имитации человеческого мышления, но и на формализации процессов восприятия, рассуждения и действия в виде вычислимых моделей. При этом важным является переход от узкого представления искусственного интеллекта как простого воспроизведения человеческого поведения к более широкому подходу, в рамках которого создаются рациональные интеллектуальные агенты, способные эффективно функционировать в сложных и неопределенных средах. Вместе с тем, следует

¹⁶ Smith C. Introduction // The History of Artificial Intelligence. - University of Washington, 2006. - P. 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/826322295/1-the-History-of-Artificial-Intelligence-Author-Chris-Smith-Brian-McGuire-Ting-Huang> (дата обращения: 12.03.2026).

¹⁷ Морхат, П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. - 2017. - № 12. - С. 26.

¹⁸ Russell, S., Norvig, P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. - 3rd ed. - Boston: Prentice Hall, 2010. - Pp. 1-2.

отметить, что данное определение не учитывает такие аспекты, как этическая обусловленность поведения интеллектуальных систем, их социальное воздействие и вопросы ответственности за принимаемые решения. В условиях расширения сфер применения искусственного интеллекта эти элементы приобретают все большее значение и требуют дополнительного теоретического осмысления.

И.Р. Бегишев и З.И. Хисамов в своей монографии делают акцент на следующем определении данного феномена: «Искусственный интеллект - когнитивно-интеллектуальная и адаптивно-автономная система, наделенная способностями к осознанно-волевому поведению, позволяющую имитировать деятельность нейронов и нейронных сетей человеческого мозга посредством обработки информации, поступающей из окружающей среды»¹⁹.

Следует отметить, что авторы акцентируют внимание на таких основных свойствах, как адаптивность, автономность и способность к имитации нейронных процессов, что отражает современную ориентацию исследований на моделирование механизмов человеческого мышления. Тем не менее, использование категории «осознанно-волевое поведение» представляется дискуссионным, поскольку на текущем этапе развития технологий искусственные системы, как правило, не обладают подлинной осознанностью или волей в философском смысле этих понятий. Скорее речь может идти о программно заданной или обученной способности к принятию решений в рамках определенных алгоритмов и моделей.

По мнению Д. Кастро и Дж. Нью, искусственный интеллект – это область компьютерных наук, посвященная созданию вычислительных машин и систем, способных выполнять задачи, связанные с обучением, анализом и принятием решений, аналогично человеческой деятельности²⁰.

Относительно мнения авторов следует отметить, что современные технологии искусственного интеллекта не воспроизводят человеческое мышление полностью, а лишь имитируют отдельные его элементы, такие как анализ данных или поиск закономерностей. В отличие от человека, такие системы не обладают сознанием, опытом или пониманием в полном смысле этого слова, они работают в рамках заданных алгоритмов и моделей. Тем не менее, их развитие уже существенно влияет на различные сферы жизни, что делает особенно важным не только техническое, но и осмысленное, ответственное отношение к их применению, сохраняющее актуальность дальнейших теоретических исследований в этой области.

По мнению П.М. Морхат, искусственный интеллект представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современных технологий, что, в свою очередь, требует формирования и совершенствования соответствующей нормативно-правовой базы; а также эффективное правовое регулирование в данной сфере невозможно без четкого осмысления сущности этого феномена и корректного толкования самого понятия «искусственный интеллект»²¹.

¹⁹ Бегишев, И.Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова. - М.: Проспект. - 2022. - С. 25.

²⁰ Castro, D., New, J. The Promise of Artificial Intelligence // Center for data. - 2016. - P. 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (дата обращения: 15.03.2026).

²¹ Морхат, П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. - 2017. - № 12. - С. 25.

Действительно, отсутствие единообразного и общепринятого определения затрудняет как разработку нормативных актов, так и их последующее применение, которые ведут к фрагментарности регулирования, различиям в правоприменительной практике и потенциальным правовым коллизиям, особенно на международном уровне. Относительно можно согласиться с мнением автора. Однако следует отметить, что правовое осмысление искусственного интеллекта требует междисциплинарного подхода, учитывающего не только юридические, но и технические, этические и социальные аспекты. Только при таком комплексном подходе возможно формирование эффективной и гибкой международной и национальной нормативно-правовой базы, способной адекватно реагировать на вызовы, связанные с внедрением интеллектуальных систем.

Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта в настоящее время формируется преимущественно в рамках норм «мягкого права», что отражает гибкий и еще неустоявшийся характер данной области. Существенной чертой является также межотраслевой характер регулирования, поскольку технологии искусственного интеллекта затрагивают широкий круг правовых сфер. Сложная структура международного права требует необходимости комплексного анализа взаимодействия искусственного интеллекта и с такими основными направлениями правового регулирования, как защита прав человека, уголовное и торговое право, арбитражное разбирательство и иные области его применения²².

В данном контексте важное значение приобретает деятельность международных организаций, способных координировать и гармонизировать подходы государств к регулированию новых технологий.

Так, Организация Объединенных Наций (далее - ООН) последовательно укрепляет свою роль в формировании глобальной повестки в области искусственного интеллекта, позиционируя себя как универсальную платформу для согласования международных подходов к регулированию данной технологии. Значительный вклад в этот процесс внес Антониу Гутерриш. Так, 26 октября 2023 г. в Нью-Йорке им было объявлено о создании Консультативного органа высокого уровня по вопросам искусственного интеллекта, в состав которого вошли 39 независимых экспертов. Деятельность данного органа была ориентирована на разработку рекомендаций по ряду основных направлений, включающих формирование эффективных механизмов международного управления искусственным интеллектом, анализ потенциальных рисков, связанных с его развитием, а также поиск практических решений по их минимизации и изучение возможностей применения искусственного интеллекта в целях содействия достижению целей устойчивого развития²³.

В сентябре 2024 г. указанный орган представил заключительный доклад, озаглавленный «Управление искусственным интеллектом во благо человечества». В нем была предложена система из семи взаимосвязанных мер, направленных на

²² Умнова-Конюхова, И.А. Искусственный интеллект и международное право: настоящее и будущее // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. - Серия 4. Государство и право. - 2025. - № 3 - С. 67.

²³ Мартиросян, А. Глобальное управление искусственным интеллектом: рождение новой архитектуры, или фрагментация «цифровой повестки». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-iskusstvennym-intellektom-rozhdenie-novoy-arkhitektury-ili-fragmentatsiya-tsifrovoy-povestki/> (дата обращения: 17.03.2026).

выработку согласованных подходов к снижению рисков, возникающих в связи с развитием технологий искусственного интеллекта. В числе приоритетных инициатив обозначены создание независимого международного экспертного научного сообщества, развитие формализованного межгосударственного диалога по вопросам регулирования искусственного интеллекта, формирование площадки для обмена стандартами, а также развитие глобальных механизмов укрепления потенциала государств. Вместе с тем, в докладе предлагаются разработка единой международной базы данных в сфере искусственного интеллекта, учреждение специализированного финансового фонда и создание профильного институционального подразделения в рамках ООН. В докладе также акцентируется необходимость формирования новой модели глобального управления искусственным интеллектом, которая должна носить инклюзивный и децентрализованный характер и основываться на широком международном взаимодействии²⁴.

Несмотря на отсутствие юридически обязательной силы, данный документ оказал существенное влияние на развитие международно-правового дискурса. Его основные положения получили отражение в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и были учтены при формировании положений Глобального цифрового договора. Тем самым можно констатировать постепенный переход от экспертных рекомендаций к закреплению основ многоуровневой системы глобального регулирования искусственного интеллекта.

Так, в марте 2024 г. США при поддержке партнерских государств выступили с инициативой вынесения на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проекта Резолюции, посвященной использованию потенциала безопасных и надежных систем искусственного интеллекта в интересах устойчивого развития. Принятие данного документа произошло на основе консенсуса, что подчеркивает высокий уровень международной согласованности по рассматриваемому вопросу. Указанная Резолюция стала первым актом Генеральной Ассамблеи, специально направленным на регулирование аспектов гражданского применения искусственного интеллекта²⁵.

В июле 2024 г. была одобрена еще одна Резолюция, инициированная Китаем, посвященная развитию международного взаимодействия в сфере укрепления потенциала государств в области искусственного интеллекта. В данном документе приоритет был смещен в сторону обеспечения более сбалансированного доступа к технологическим ресурсам и возможностям, связанным с развитием искусственного интеллекта. Исходя из этого, два первых акта, принятые в рамках ООН, продемонстрировали различие подходов к формированию глобальной повестки. Один из них акцентирует внимание на вопросах надежности и безопасности использования искусственного интеллекта, тогда как другой ориентирован на снижение неравенства в распределении технологий и развитие международного сотрудничества в этой сфере²⁶.

²⁴ Доклад Консультативного органа высокого уровня по искусственному интеллекту. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

²⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/4043244?v=pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.un.org/en/docid/1060222.html>.

Дальнейшее развитие данного процесса выразилось в принятии в сентябре 2024 г. «Пакта во имя будущего», к которому в качестве приложения был включен Глобальный цифровой договор. В рамках этого документа были зафиксированы основные параметры формирующихся механизмов глобального регулирования искусственного интеллекта. При этом их содержательное наполнение в значительной степени опиралось на ранее выработанные подходы, отраженные в докладе Консультативного органа высокого уровня²⁷.

Следует отметить, что дискуссии вокруг искусственного интеллекта охватывают также военное измерение. Так, 16 октября 2024 г. Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН поддержал проект документа, который впоследствии, 24 декабря, был утвержден в виде Резолюции «Применение искусственного интеллекта в военной сфере и его влияние на международный мир и безопасность»²⁸. В тексте Резолюции подчеркивалась актуальность применения существующих норм международного права, особенно Устава ООН²⁹.

Естественным продолжением обсуждения вопросов искусственного интеллекта в контексте международной безопасности стало проведение 19 декабря 2024 г. заседания Совета Безопасности ООН на высоком уровне, инициированного США. Целью данного мероприятия, как было заявлено, являлось придание вопросам искусственного интеллекта статуса стратегических приоритетов в рамках обеспечения международной стабильности и поддержания глобального мира³⁰.

5 июля 2025 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию, предложенную Основателем мира и национального единства – Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан, уважаемым Эмомали Рахмоном, под названием «Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии». Документ стал важным шагом в формализации стратегического подхода к использованию технологий искусственного интеллекта для достижения целей устойчивого развития в регионе. В Резолюции указана инициатива по созданию в г. Душанбе Регионального центра искусственного интеллекта, который призван координировать образовательные, научные и инфраструктурные проекты в Центральной Азии. Такой Центр по положениям документа будет способствовать обмену знаниями, укреплению исследовательского потенциала и развитию инновационной системы региона, открывая новые возможности для социально-экономического прогресса и устойчивого развития³¹.

un.org/en/A/RES/78/311 (дата обращения: 21.03.2026).

²⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 сент. 2024 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 22.03.2026).

²⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 дек. 2024 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/4071348?v=pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

²⁹ Мартиросян, А. Глобальное управление искусственным интеллектом: рождение новой архитектуры, или фрагментация «цифровой повестки». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-iskusstvennym-intellektom-rozhdenie-novoy-arkhitektury-ili-fragmentatsiya-tsif/> (дата обращения: 24.03.2026).

³⁰ Брифинг Совета Безопасности ООН по искусственному интеллекту и поддержанию международного мира и безопасности. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/concept-note-briefing-on-artificial-intelligence-and-the-maintenance-of-international-peace-and-security.php> (дата обращения: 24.03.2026).

³¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 июня 2025 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://un.org/en/A/RES/79/1>

Во-первых, принятые в рамках ООН Резолюции и сопутствующие инициативы свидетельствуют о формировании качественно нового этапа в развитии глобального управления искусственным интеллектом. Прежде всего, наблюдается постепенный переход от фрагментарного и преимущественно экспертного обсуждения проблем искусственного интеллекта к институционализированному многостороннему регулированию. Представленный Консультативным органом доклад фактически задал концептуальные рамки для дальнейших политико-правовых решений, что подтверждается их отражением в резолюциях Генеральной Ассамблеи и положениях Глобального цифрового договора.

Во-вторых, принятые резолюции демонстрируют наличие двух взаимодополняющих, но в определенной степени конкурирующих подходов к регулированию искусственного интеллекта. С одной стороны, акцент делается на обеспечении безопасности, надежности и управляемости технологий (инициатива, поддержанная США); с другой - на необходимости устранения технологического разрыва и обеспечения равного доступа к возможностям искусственного интеллекта (подход, продвигаемый Китаем). Такое расхождение отражает более широкую проблему баланса между технологическим суверенитетом государств и глобальной кооперацией.

В-третьих, важным результатом является расширение предметного поля регулирования: если первоначально внимание уделялось преимущественно гражданским аспектам применения искусственного интеллекта, то последующие документы затрагивают вопросы международной безопасности и военного использования технологий. Такой подход свидетельствует о признании искусственного интеллекта фактором стратегической стабильности, что объективно требует интеграции существующих норм и принципов, международного права.

В-четвертых, региональные инициативы, такие как предложение о создании Центра искусственного интеллекта в Душанбе, указывают на тенденцию к децентрализации глобального управления и усилению роли региональных платформ, которая соответствует в указанном в документе модели инклюзивного регулирования искусственного интеллекта.

Вместе с тем, несмотря на значительный прогресс, основной нерешённой проблемой остается вопрос юридической ответственности за использование технологий искусственного интеллекта. Принятые резолюции носят рекомендательный характер и не устанавливают четких механизмов ответственности для субъектов международного права.

Искусственный интеллект существенно изменил привычные рамки государственного суверенитета, сделав вопрос об определении ответственности за действия автономных систем одним из наиболее сложных вызовов современного международного права. Особенно остро данная проблема проявляется в области автономных боевых систем³².

Да, можно утверждать, что автономные боевые системы, основанные на искусственном интеллекте, способны принимать более точные и быстрые

docs.un.org/en/A/79/L.94 (дата обращения: 25.03.2026).

³² Rabet Ghannadi, A. Artificial Intelligence and International Law: Challenges and Opportunities // Legal Studies in Digital Age. - 2026. - № 5 (1). - P. 12.

решения в сложных условиях, потенциально уменьшая количество жертв среди гражданского населения. Однако следует признать, что исключение человека из процесса принятия критически важных решений может затруднить соблюдение норм международного гуманитарного права. В этой связи, на наш взгляд, сохранение потенциального человеческого контроля над применением силы в условиях вооруженных конфликтов является обоснованным.

Применение автономных систем и их использование в киберпространстве дополнительно осложняют проблему установления ответственности. В условиях анонимности и трансграничного характера киберопераций определить и юридически закрепить ответственность государств за действия таких систем становится особенно затруднительно.

Современное международное гуманитарное право испытывает значительные трудности при регулировании ситуаций, когда системы искусственного интеллекта действуют непредсказуемо или выходят за рамки установленных параметров функционирования. Например, если автономный дрон по ошибке поражает гражданский объект из-за сбоя, возникает естественный вопрос: кто несет ответственность – государство, развернувшее систему, разработчики программного обеспечения или военные командиры, утвердившие ее использование? Международное гуманитарное право требует различать военные и гражданские цели, однако оно формировалось с учетом действий людей, принимающих решения. При этом алгоритмы не обладают сознанием и волевым намерением, что делает традиционные подходы к привлечению ответственности проблематичными.

По мнению Айман Абу Аль-Хадж, ответственность за их применение должна возлагаться на субъектов, обеспечивающих их создание и эксплуатацию, включая разработчиков и операторов. При этом, по мнению автора, правовое регулирование в данной сфере выходит за рамки исключительно уголовной ответственности и охватывает также вопросы гражданско-правовых обязательств, разработку эффективных механизмов компенсации ущерба, причиненного использованием искусственного интеллекта³³.

Такой подход к регулированию обуславливает необходимость обращения не только к вопросам ответственности, но и к требованиям, предъявляемым к самому процессу разработки и функционирования систем искусственного интеллекта.

На наш взгляд, высоко-автономные системы искусственного интеллекта должны разрабатываться таким образом, чтобы их цели и модели поведения на всех этапах функционирования сохранили человеческие ценности и человеческие достоинства.

В заключение следует подчеркнуть, что долгосрочное воздействие искусственного интеллекта на мировую политику и систему международных отношений представляется по-настоящему уникальным по своим масштабам, особенно на фоне уже разворачивающейся острой конкуренции за технологическое и цифровое лидерство. Есть основания полагать, что формирование новой

³³ Ayman Abu Al-Haj. International criminal responsibility for the use of artificial intelligence in the commission of international crimes against civilians during armed conflicts // International Journal of Criminal, Common and Statutory Law. - 2025. - № 5 (2). - P. 186.

технологической гонки, сопоставимой с гонкой вооружений, способно существенно трансформировать характер военных конфликтов в XXI веке. Наряду с этим развитие искусственного интеллекта активно стимулируется экономическими факторами, поскольку его внедрение в гражданские сферы напрямую связано с ростом прибыли, расширением рынков и усилением конкурентных позиций. В данном контексте показательной является позиция, выраженная 24 сентября 2024 г. Президентом Республики Таджикистан, уважаемым Эмомали Рахмоном, в ходе 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркнувшим, что «Цифровые технологии и искусственный интеллект являются подходящей основой для достижения Целей устойчивого развития»³⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бегишев, И.Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова. - М.: Проспект, 2022. - 192 с.
2. Брифинг Совета Безопасности ООН по искусственному интеллекту и поддержанию международного мира и безопасности. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/concept-note-briefing-on-artificial-intelligence-and-the-maintenance-of-international-peace-and-security.php> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Выступление Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / Офиц. сайт Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.president.tj/event/speeches/47779> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Доклад Консультативного органа высокого уровня по искусственному интеллекту. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf (дата обращения: 17.03.2026).
5. Искусственный интеллект // Википедия. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 26.03.2026).
6. Мартиросян, А. Глобальное управление искусственным интеллектом: рождение новой архитектуры или фрагментация «цифровой повестки» / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-iskusstvennym-intellektom-rozhdenie-novoy-arkhitektury-ili-fragmentatsiya-tsifrovoy-povestki/> (дата обращения: 17.03.2026).
7. Морхат, П.М. К вопросу об определении понятия искусств. интеллекта // Правовое гос-во: теория и практика. - 2017. - № 12. - С. 25-32.
8. Путин назвал условия появления будущего властелина мира. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/09/2017/59a947189a79470f49873a14?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 15.03.2026).
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 июля 2024 г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.un.org/en/A/RES/78/311> (дата обращения: 21.03.2026).

³⁴Выступление Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / Офиц. сайт Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.president.tj/event/speeches/47779> (дата обращения: 29.03.2026).

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 июня 2025 г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.un.org/en/A/79/L.94> (дата обращения: 25.03.2026).
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [file:///C:/Users/Admin2/Downloads/ A_RES_78_265-RU.pdf](file:///C:/Users/Admin2/Downloads/A_RES_78_265-RU.pdf) (дата обращения: 20.03.2026).
12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 сент. 2024 г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 22.03.2026).
13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 дек. 2024 г. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [file:///C:/Users/Admin2/Downloads /A_RES_79_239-RU.pdf](file:///C:/Users/Admin2/Downloads/A_RES_79_239-RU.pdf) (дата обращения: 23.03.2026).
14. Умнова-Конюхова, И.А. Искусственный интеллект и международное право: настоящее и будущее // Социальные и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. - Серия 4. Государство и право. - 2025. - № 3 - С. 63-75.
15. Ayman Abu Al-Haj. International criminal responsibility for the use of artificial intelligence in the commission of international crimes against civilians during armed conflicts // International Journal of Criminal, Common and Statutory Law. - 2025. - № 5 (2). - Pp. 185-192.
16. Castro, D., New, J. The Promise of Artificial Intelligence // Center for data. - 2016. - 46 p. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [https://www2. datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf](https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf) (дата обращения: 15.03.2026).
17. Rabet Ghannadi, A. Artificial Intelligence and International Law: Challenges and Opportunities // Legal Studies in Digital Age. - 2026. - № 5 (1). - Pp. 1-15.
18. Russell, S., Norvig, P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. - 3rd ed. - Boston: Prentice Hall, 2010. - 1132 p.
19. Smith, C. Introduction // The History of Artificial Intelligence. - University of Washington, 2006. - P. 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/826322295/1-the-History-of-ArtificialIntelligence-Author-Chris-Smith-Brian-McGuire-Ting-Huang> (дата обращения: 12.03.2026).

ЖАК ВЕРЖЕС - ЛЕГЕНДАРНЫЙ, ТАИНСТВЕННЫЙ И ОСОБЕННЫЙ АДВОКАТ

Казалиев А.И.³⁵

Аннотация. Статья посвящена прославленному французскому адвокату Жаке Вержесе, защищавшему самых знаменитых людей, адвокату, следовавшему тому принципу, что в любом демократическом обществе каждый обвиняемый в преступлении имеет право на преданную адвокатскую защиту, защищавшему тех, от которых отвернулось если не все общество, то большая его часть, и понимавшему, что право на защиту - это то право, которое вызвало появление в мире профессии адвоката.

Ключевые слова: адвокат, права человека, юрист, мэтр Вержес, гений, защита, «адвокат дьявола».

Abstract. This article is dedicated to the renowned French lawyer Jacques Vergès, who defended some of the most famous people in the world. Vergès followed the principle that in any democratic society, every person accused of a crime has the right to a dedicated legal defense, which he proved throughout his career as a lawyer. He defended those who had been rejected by society, if not entirely, then at least by a significant portion of it, and understood that the right to legal defense is the very reason for the existence of the legal profession.

Keywords: lawyer, human rights, lawyer, Mme Verges, genius, defense, «devil's advocate».

«Я бы хотел, чтобы обо мне сказали, что я
привнес что-то новое и что я не такой, как все»
(Жак Вержес, французский адвокат)

Прежде всего, выражаю свою благодарность Александру Борисовичу Мезяеву за его предложение мне принять участие в выпуске замечательного «Казанского журнала международного права и международных отношений», посвященного 100-летию легендарного французского адвоката и моего кумира мэтра Жака Вержеса. Для меня это двойная честь: во-первых, написать о моем кумире и во вторых, сделать это по предложению Александра Борисовича - прекрасного юриста и человека не только хорошо знакомого с Жаком Вержесом лично, бравшего у него интервью, но и вместе работавшего с ним по делу Слободана Милошевича. Это дорогого стоит, ибо Вержес не общался и не принимал у себя недостойных и не интересных ему людей. И уж тем более не работал с ними вместе. Знакомство с Александром Борисовичем для меня не только самостоятельная ценность, но и какое-то прикосновение к имени великого Жака Вержеса.

О прославленном французском адвокате Жаке Вержесе, защищавшем самых знаменитых людей и о котором сняты документальные фильмы, я узнал еще студентом из его интервью корреспонденту газеты «Известия» в декабре 2003 г. Меня сразу же привлекли неординарность и парадоксальность его мышления.

35 Казалиев Абдулла Изадуллаевич - адвокат, Республика Дагестан, г. Хасавюрт.

Покоряли его свобода, искренность и эрудиция. Он говорил свободно, логично и очень убедительно. Его было крайне интересно читать и тем более слушать. В своих интервью он говорил не так, чтобы угодить журналисту и выглядеть благородным в глазах общества, а так, как и о чем он желал сказать. Охарактеризовать мэтра Вержеса не то чтобы сложно, а невозможно. Уж слишком он был загадочным и в то же время простым, что, пожалуй, свойственно любому гениальному человеку (а он, считаю, был именно гениальным, а не только талантливым: талантливых юристов очень много, а гениальных - единицы).

Знакомство с профессиональной практикой Жака Вержеса, а далее и с его личностью дало мне правильное понимание природы адвокатской стези, ее философии. Прозвищем «адвокат дьявола» Вержес был наделен журналистами, заинтересованными преподнести его таковым своему потребителю - обществу. Причиной нареkania Вержеса демоническим прозвищем стали персоны его зловещих клиентов, с которыми ошибочно идентифицировали и его самого.

По этому поводу сам Вержес выразился в своем интервью в уже упоминавшейся газете «Известия» корреспонденту Юрию Коваленко: «Это комплимент, потому что адвоката дьявола назначает римский папа на процессах беатификации, то есть причисления к лику святых».

На многочисленные вопросы журналистов о том, как же он может защищать в суде столь одиозных и кровавых людей, от которых отказалось все общество, он спокойно объяснял, что «...адвокат не защищает преступление, он защищает человека, обвиняемого в его совершении. Задача адвоката - понять своего подзащитного. Святой Августин говорил, что в глазах Бога нет монстров».

По мнению Вержеса, в основе многих романов часто лежит преступление, как у Достоевского, Бальзака, Стендаля и многих других. Да и вообще нарушение существующего порядка является отличительной чертой человека. В низших формах жизни – скажем, в улье – никто правил не нарушает. Преступление отличает человека от животного. При этом Вержес отмечал, что он не анархист и считает, что общество имеет свои нормы, которые оно навязывает с помощью правосудия. Достоевский ненавидел нигилистов, - говорил Вержес, - но, все его персонажи – нигилисты, потому что эти люди ставят под сомнение его убеждения. Вержес считал, что правосудие – это искусство. «Я называю правосудие судебным искусством. В судебных процессах мы сталкиваемся с теми же драмами, что описаны в произведениях писателей. Герой драм и романов - это тот, кто бросает вызов мировому порядку. И тот, кто ставит под сомнение мировой порядок, считается преступником. Я люблю драться. Мне нравится чувствовать, как бьется мое сердце, потому что у меня есть сердце. Многие люди думают, что у меня нет сердца. Обычно так думают мошенники», - сказал как-то, улыбаясь, Вержес журналисту.

Следует отметить, что именно непонимание некоторой частью общества функции адвоката и его идентификация с его подзащитным вызвали принятие международного законодательного положения, где прямо сформулировано, что: «Адвокаты не должны идентифицироваться с их клиентами и делами клиентов в связи с исполнением их профессиональных обязанностей» (ст. 18 Положения о роли юристов от 27.08.1990 г., принята VIII Конгрессом ООН).

В действительности, из всех известных адвокатов мэтр Вержес, в объективном отношении, был одним из самых (если не самый) принципиальных поборников гуманности и уважения к достоинству человека. В том же интервью газете «Известия» Вержес произнес фразу, отражающую его жизненную установку не только как адвоката, в частности, но и человека в целом: «Меня больше возмущают случаи не нарушения прав человека, а унижения человеческого достоинства – кровавая расправа над манифестацией меня меньше шокирует, чем зрелище парижской улицы Сен-Дени с ее проститутками, приехавшими из Ганы, которые больны СПИДом и обречены на гибель».

Это ли не слова подлинного гуманиста? Как видим из данной фразы, Вержес был не за такие хотя и красивые, но абстрактные понятия, как «истина», «справедливость», «закон» и даже «права человека». Его заботило и волновало человеческое достоинство каждого как абсолютная ценность в любом цивилизованном обществе. Он исходил из константы о недопустимости унижения человека ни под каким предлогом.

На вопрос корреспондентки КТО TV: «Мы ищем правду или мы ищем правдоподобие в судебном процессе?», Вержес ответил: «На мой взгляд, судебный процесс – это правдоподобие, которое мы ищем, а не истина. Истина ускользает от поиска»³⁶.

Через адвокатскую защиту людей, посвящаясь в тайны жизни своих клиентов, их ценностей, мотивов и целей их поступков, Вержес изучал саму жизнь. Он не оправдывал и тем более не любил пороки некоторых своих клиентов, демонизированных обществом. Но он понимал человеческую натуру целиком, во всех ее проявлениях, а не только в контексте преступления. Он пытался понять мотивы деяний своих подзащитных. К адвокатской защите он подходил не как ремесленник, а как исследователь человеческого поведения. Вержес глубоко, на философском уровне, осмыслил роль адвоката в обществе, достойно следовал этому пониманию, не боясь ничего и никого.

Как и любой адвокат, Вержес, конечно же, зарабатывал своей профессией. Но это не было его целью, что подтверждается его состоянием. Его офис в центре Парижа арендовался им, а после смерти у него остались долги (насколько я читал - налоговые), и все его имущество было распродано на аукционе. Вержесом проведено куда больше самых простых дел с неизвестными и бедными клиентами, которых он, как правило, защищал бесплатно.

Вержес очень много думал, читал и писал. О пользе чтения литературы он говорил, что это поможет адвокату понять семейные или социальные драмы, психологию человеческого поведения. Вержес не говорил что-либо просто так, не обдумав. Каждая его фраза была отточена и носила глубокий смысл, особенно когда он говорил о природе адвокатской профессии. Не было вопроса, который бы застал его врасплох и он не смог бы на него логически убедительно и красиво ответить.

Защита в суде человека, обвиняемого государством, была страстью Вержеса. Выходя на судебный поединок с прокурором, он заряжался какой-то особенной энергией, глаза его сверкали более обычного. Судебные баталии были для него не просто профессией, а жизненным призванием, соответствовавшим его

36 Ссылка на интервью: <https://www.youtube.com/watch?v=qLIEiRvHmww&t=339s>).

неординарной натуре, зову его сердца. Этот мастер адвокатуры концентрировал в себе сразу все необходимые адвокату качества: природный ум, хитрость, логическое мышление, аналитику, здоровый цинизм, артистизм, дозированную эмоциональность, широкую эрудицию и, конечно же, хладнокровие. Из видеозаписей судебных процессов с его участием видно, как мастерски Вержес владеет речью, жестами, мимикой. Выразительнее всего свои актерские способности он продемонстрировал на театрализованном историческом судебном процессе по делу Людовика XVI, где блистательно защищал короля.

В зале суда Вержес был не просто рядом со своим подзащитным, а впереди него. В своих решениях и поступках он проявлял взвешенность. Его было невозможно вывести из себя. Из просмотра его многочисленных интервью журналистам видно его полное спокойствие и блестящее владение собой. Но в суде он «включался» и был нападающим. Даже судья не всегда решался его остановить, когда, по его мнению, адвокат отступал от предмета судебного разбирательства. Вержес любил судебные поединки и выходил против любого соперника, независимо от его статуса. Более того, казалось, что чем больше противников противостояло ему в суде, тем больше это его раззадоривало. Пример тому дело Клауса Барби по прозвищу Лионский мясник. На стороне обвинения, помимо прокурора, было 39 адвокатов - представителей потерпевших, среди которых участвовал весьма известный юрист Франции – Ролан Дюма, который, кстати говоря, был другом Вержеса.

Вержес был фанатично предан профессии и независим даже от собственной семьи, о чем свидетельствует наличие крайне малой информации о ней. То ли до женитьбы на своей бывшей клиентке Джамиле Бухиред Вержес, то ли после нее он взял себе второе имя – Мансур. Это арабское имя, переводимое как «тот, кто одерживает верх», «празднующий победу», «победитель».

15 августа 2013 г. сердце легендарного адвоката остановилось. Он встретил смерть столь же красиво, как и жил: сидя в кресле в старинном особняке XVIII века в Париже, где жил великий Вольтер. Ушел выдающийся сын Франции, талантливейший представитель адвокатуры и борец за достоинство каждого человека, защищавший не только глав государств, революционеров и медийных персон, но и простого садовника Омара Раддада. Следование принципу, что в любом демократическом обществе каждый обвиняемый в преступлении имеет право на преданную адвокатскую защиту, он доказал всей своей адвокатской жизнью. Он защищал тех, от которых, отвернулось если не все общество, то большая его часть. Ибо Вержес хорошо понимал, что право на защиту - это то право, которое вызвало появление в мире профессии адвоката.

У мэтра не осталось учеников, которых, по всей видимости, и не было, учитывая, что сам Вержес об этом не говорил. По своей натуре он был одиночкой, индивидуалистом, что вдобавок ко всем прочим его качествам придавало таинственности (и даже мистики) его фигуре. Не только интеллигент, но и эстет, он обставил свой кабинет в парижском особняке в интересном стиле, с разными роскошными предметами, подаренными, как правило, его знаменитыми клиентами. Очень любил курить там сигару.

В одном из своих интервью на вопрос ведущего: Вы думаете, что вы лучший

адвокат во Франции?, Вержес ответил: Нет, конечно, нет! Я бы хотел, чтобы обо мне сказали, что я привнес что-то новое и что я не такой, как все³⁷. В этом ответе – весь Вержес. И, действительно, адвокат Жак Вержес сделал все, чтобы о нем сказали, что он был «другим», «не таким, как все». Он был особенным среди всех французских адвокатов, и не только французских. Своей адвокатской практикой Вержес являет собой пример не только подлинного, но и, пожалуй, беспрецедентного служения профессиональному долгу вопреки чему бы то ни было и кому бы то ни было.

Со смертью великого юриста кресло «адвоката дьявола» освободилось. Но сможет ли кто-то соответствовать требованиям, которым с избытком соответствовал неподражаемый мэтр Вержес? Пусть каждый читатель ответит на этот вопрос, как посчитает нужным. Но прежде чем сделать это, конечно же, нужно как можно больше узнать о жизни и профессиональной практике этого выдающегося юриста. Уж слишком сложна и многогранна его личность.

Написать о великом человеке можно много, но сделать это исчерпывающе объективно невозможно. Надеюсь, мне еще представится случай дополнить свои мысли о своем интереснейшем кумире. Пользуясь случаем, с глубоким сожалением не могу не отметить, что несмотря столь богатейшее профессиональное наследие Жака Вержеса, из десятков его книг ни одна еще не переведена на русский язык. Это громадный пробел в образовании для русскоязычных, прежде всего, студентов и адвокатов.

Размышляя о Жаке Вержесе уже после его смерти, вспомнил эпитаф Булгакова к пьесе о Мольере: «Для его славы уже ничего не нужно. Он нужен для нашей славы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ссылка на интервью: [https:// www.youtube.com/ watch?v=qLIEiRvHm-ww&t=339s](https://www.youtube.com/watch?v=qLIEiRvHm-ww&t=339s)).
2. Ссылка в Ютуб: Jacques Vergès: Défendre l'impossible chez Thierry Ardisson / INA Arditube

³⁷ Ссылка в Ютуб: Jacques Vergès: Défendre l'impossible chez Thierry Ardisson / INA Arditube.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аламова С.М.³⁸

Аннотация. В статье рассматриваются международно-правовые проблемы использования результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде, а также вопросы определения юрисдикции и применимого права по делам о нарушении интеллектуальных прав. Анализируются вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и роль актов «мягкого права» в регулировании указанных вопросов. Обосновывается необходимость совершенствования международно-правового регулирования с учетом особенностей цифрового использования результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, цифровая среда, международная юрисдикция, применимое право, акты «мягкого права».

Abstract. The article examines international legal issues related to the use of intellectual property objects in the digital environment, as well as issues of jurisdiction and applicable law in cases involving infringement of intellectual property rights. The article analyzes the recognition and enforcement of foreign judgments and the role of soft law instruments in the regulation of these issues. It substantiates the necessity of improving international legal regulation with due regard to the specific features of the digital use of intellectual property objects.

Keywords: intellectual property, intellectual property rights, digital environment, international jurisdiction, applicable law, soft law.

Современное развитие общества сопровождается активным внедрением технологий во все сферы общественной жизни и ростом объема создаваемой и передаваемой информации. В настоящее время данный процесс, именуемый «цифровизацией», охватывает экономическую, социальную и правовую сферы, оказывая влияние на содержание общественных отношений и способы взаимодействия их участников³⁹.

Сфера интеллектуальной собственности не стала исключением, а, напротив, оказалась одной из наиболее чувствительных к таким изменениям. Развитие цифровых технологий привело к трансформации способов создания, использования и распространения результатов интеллектуальной деятельности⁴⁰. Если ранее их оборот был связан преимущественно с материальными носителями, то сегодня такие результаты существуют в цифровой форме, что обеспечивает возможность их многократного копирования и неограниченного распространения.

³⁸ Аламова Светлана Мухаметовна - канд. юрид. наук, доцент УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань.

³⁹ Рыболовлева, Н.С. Цифровизация общественных отношений: риски и угрозы // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 5 (221). - С. 133-135.

⁴⁰ Аламова, С.М. Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Вестник экономики, права и социологии. - 2025. - № 3. - С. 160-164.

Однако такая возможность используется не только правообладателями, но и иными лицами, что приводит к росту незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности. Нарушения интеллектуальных прав в условиях цифровизации приобрели массовый характер, контент стал доступным неопределенному кругу лиц, а действия, связанные с его использованием, нередко осуществляются через инфраструктуру, распределенную между различными юрисдикциями. Иными словами, использование результатов интеллектуальной деятельности сегодня не ограничивается территорией одного государства и может одновременно затрагивать несколько правопорядков. Противоправная деятельность нередко развивается последовательно в различных юрисдикциях, начинаясь в одном государстве, продолжаясь в другом и порождая правовые последствия в третьем, что осложняет выбор применимого права и определение компетентного суда⁴¹. Более того, нарушения интеллектуальных прав зачастую совершаются с использованием анонимных или трудно идентифицируемых сервисов, а лица, осуществляющие незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности, могут находиться вне юрисдикции государства-правообладателя или основной аудитории пользователей⁴².

Основы правовой охраны и защиты интеллектуальных прав закреплены на международном уровне в системе международных договоров. Даже само понятие «интеллектуальная собственность» впервые получило закрепление в 1967 г. на международном уровне в Стокгольмской конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, что стало первым этапом институционализации рассматриваемой сферы правового регулирования.

Всемирная организация интеллектуальной собственности является основным международным институтом, обеспечивающим развитие системы охраны интеллектуальных прав. В рамках своей деятельности она осуществляет разработку и совершенствование международных актов, а также администрирует международные регистрационные системы, к которым относятся Мадридская система международной регистрации товарных знаков и Договор о патентной кооперации, предусматривающие возможность централизованной подачи заявок на получение правовой охраны объектов интеллектуальной собственности⁴³.

Международно-правовая охрана интеллектуальных прав осуществляется также посредством системы многосторонних договоров, устанавливающих единые стандарты защиты результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. К числу таких актов относятся Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, а также иные договоры Всемирной организации интеллектуальной собственности, регулирующие охрану авторских и смежных прав, такие как Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Договор по авторскому праву и Договор

⁴¹ Yu, P. The Global Intellectual Property Order and Its Undetermined Future // Washington Journal of Law, Technology & Arts. - 2015. - Vol. 10. - Pp. 275-279.

⁴² Меньщикова, В.И., Лаврик, Т.М. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: правовые барьеры и драйверы роста для творческого предпринимательства // Гуманит., соц.-экономич. и обществ. науки. - 2026. - № 1. - С. 119-127.

⁴³ Глинщикова, Т.В., Зенцов, Н.А., Базылев, З.Н. Международно-правовая охрана авторских прав в сети «Интернет» // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 2 (230). - С. 365-366.

по исполнениям и фонограммам⁴⁴.

Названные акты основываются на признании территориального характера интеллектуальных прав и не предусматривают единого механизма их защиты, оставляя государствам возможность самостоятельно определять способы исполнения принятых на себя международных обязательств.

Большинство договоров было принято во второй половине XX века, когда использование результатов интеллектуальной деятельности было связано с материальными носителями и ограничивалось территорией одного государства. Современные цифровые способы использования таких результатов, предполагающие их одновременное распространение в различных государствах, при разработке международных договоров не учитывались. Несмотря на последующее принятие отдельных специализированных актов, международное регулирование по-прежнему не содержит положений, учитывающих особенности цифровой среды, что приводит к возникновению ряда проблем в сфере защиты интеллектуальных прав⁴⁵.

Одной из таких проблем является определение юрисдикции и применимого права по делам о нарушении интеллектуальных прав. В теории международного частного права установление юрисдикции предполагает определение суда, компетентного рассматривать конкретный спор, тогда как выбор применимого права связан с установлением правопорядка, подлежащего применению к соответствующему правоотношению.

В правоприменительной практике при рассмотрении дел о нарушении интеллектуальных прав в цифровой среде используются различные критерии установления юрисдикции. К их числу относятся место совершения нарушения, место наступления вреда, место нахождения сервера, на котором размещены материалы, место нахождения правообладателя или основной аудитории пользователей⁴⁶. Каждый из указанных критериев отражает лишь отдельный аспект правоотношения и не позволяет установить его связь с конкретным государством, что создает предпосылки для обращения заинтересованных лиц в суды тех государств, правовой режим которых предусматривает более благоприятные условия защиты интеллектуальных прав либо более эффективные процессуальные механизмы их реализации⁴⁷.

Так, например, использование критерия места причинения вреда позволяет обосновать юрисдикцию любого государства, на территории которого обеспечивается доступ к спорному контенту, привязка к месту размещения технической инфраструктуры связывает рассмотрение спора с местом нахождения серверов, которое зачастую не связано с фактическим местом распространения результата интеллектуальной деятельности, а привязка к месту нахождения правообладателя не всегда отражает территорию совершения

⁴⁴ Алешина, А.В. Международно-правовые стандарты в сфере регулирования интеллектуальной собственности: эффективность применения Российской Федерацией // Образование и право. - 2024. - № 6. - С. 499-501.

⁴⁵ Тиунова, А.И. Нарушение исключительных прав в сети «Интернет»: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права // Цифровое право. - 2022. - Т. 3. - № 2. - С. 8-24.

⁴⁶ Терентьева, Л.В. Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии) // Право. Ж-л Высшей шк. экономики. - 2013. - № 3. - С. 151-177.

⁴⁷ Виноградов, А.А. «Forum Shopping» и право Европейского Союза // Московский ж-л междунар. права. - 2010. - № 4 (80). - С. 142.

нарушения, поскольку последствия использования результата интеллектуальной деятельности могут проявляться и в иных государствах.

Схожие проблемы возникают и при определении применимого права. Традиционные коллизионные нормы, связывающие правонарушение с правом конкретного государства, не учитывают особенности использования результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде. В зависимости от характера спорного правоотношения применению может подлежать право различных государств. Так, например, к действиям по размещению чужого результата интеллектуальной деятельности может применяться право государства, на территории которого используется соответствующая техническая инфраструктура, тогда как вопросы, связанные с нарушением интеллектуальных прав и причинением вреда правообладателю, могут разрешаться по праву государства, на территории которого такой вред возник.

Отсутствие единых подходов к определению юрисдикции и применимого права в цифровой среде приводит к различным результатам рассмотрения аналогичных споров. В этой связи представляется необходимым формирование подходов, предполагающих использование совокупности критериев, позволяющих установить правопорядок, с которым соответствующее правоотношение связано в наибольшей степени.

Одним из таких критериев является направленность использования результата интеллектуальной деятельности на территорию конкретного государства, применяемая в практике Европейского союза⁴⁸. О наличии такой направленности могут свидетельствовать конкретные обстоятельства, характеризующие деятельность нарушителя, например, использование языка, характерного для соответствующей страны, указание цен в национальной валюте, использование доменных имен, ассоциированных с определенной территорией, предоставление возможностей оплаты и доставки, доступных для пользователей данного государства⁴⁹. Дополнительно могут учитываться признаки, указывающие на фактическое присутствие на соответствующем рынке, в том числе размещение рекламных материалов, адресованных пользователям конкретной страны, или использование национальных платежных систем. Это позволяет установить, на территорию какого государства направлено использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности.

Еще одним критерием выступает масштаб распространения результата интеллектуальной деятельности на территории конкретного государства. Его оценка осуществляется с учетом количества пользователей, получивших доступ к соответствующему контенту, числа просмотров или скачиваний, объема реализованных товаров или оказанных услуг, а также продолжительности и регулярности такого использования.

Третьим критерием выступает место наступления последствий нарушения интеллектуальных прав. При его определении учитываются экономические

⁴⁸ Томаров, И. Определение юрисдикции в спорах о нарушении авторских прав в сети // *Zakon.ru*. - URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/25/opredelenie_yurisdikcii_v_sporah_o_narushenii_avtorskih_prav_v_seti (дата обращения: 07.05.2026).

⁴⁹ Riefa, C. The end of Internet Service Providers liability as we know it - Uncovering the consumer interest in CJEU Case C-324/09 (L'Oréal/eBay) // *Zeitschrift für Europäisches Unternehmens-und Verbraucherrecht*. - 2012. - Vol. 1. - № 2. - Pp. 104-111.

последствия, возникающие на территории конкретного государства, включая утрату доходов правообладателя, снижение объема реализации товаров или услуг, а также иные неблагоприятные последствия, связанные с незаконным использованием результата интеллектуальной деятельности. Указанные обстоятельства позволяют соотнести спор с государством, на территории которого проявились последствия соответствующего нарушения.

Так, например, размещение контента на Интернет-платформе с использованием русского языка, указанием цен в рублях, возможностью оплаты через российские платежные системы и доставкой товаров на территорию Российской Федерации может свидетельствовать о направленности соответствующей деятельности на российский рынок. Если при этом распространение контента приводит к экономическим потерям, совокупность указанных обстоятельств позволяет обосновать связь спора с российским правопорядком независимо от места нахождения правообладателя.

Однако даже установление компетентного суда и определение применимого права не всегда приводят к фактическому восстановлению положения правообладателя. Это связано с тем, что лица, осуществляющие незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности, а также техническая инфраструктура, посредством которой осуществляется такое использование, нередко находятся за пределами государства суда, принявшего решение. Соответственно исполнение судебного акта требует его признания и приведения в исполнение на территории другого государства в порядке, установленном национальным законодательством.

Признание и приведение в исполнение иностранного судебного решения осуществляются в рамках специальной процедуры, предполагающей проверку судом соответствующего государства соблюдения условий, необходимых для предоставления такому решению юридической силы на его территории. В признании и приведении в исполнение может быть отказано, в частности, при отсутствии взаимности, нарушении публичного порядка либо ненадлежащем извещении стороны о рассмотрении дела. Так, даже вступившее в законную силу судебное решение не всегда подлежит исполнению в государстве, где находится нарушитель или его имущество.

Поскольку универсальный международно-правовой механизм признания и приведения в исполнение судебных решений по делам о защите интеллектуальных прав отсутствует, в доктрине получили развитие подходы, получившие выражение в актах так называемого «мягкого права». Под ними понимаются документы, не обладающие обязательной юридической силой и не относящиеся к источникам права в традиционном понимании, однако используемые при выработке правовых позиций, а также при совершенствовании национального и международного регулирования⁵⁰. К числу таких актов относятся, в частности, рекомендации и руководящие принципы, принимаемые в рамках международных организаций, включая Организацию экономического сотрудничества и развития, а также отдельные документы, одобренные на уровне Организации Объединенных Наций

⁵⁰ Подольский, А.В., Ольшанский, А.С. К вопросу о значении «мягкого права» в международно-правовом регулировании // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 3. - С. 507-508.

и ЮНЕСКО, и резолюции международных органов⁵¹.

В сфере интеллектуальной собственности к числу актов «мягкого права» можно отнести Принципы коллизионного права в области интеллектуальной собственности, разработанные специально созданной Европейской группой Института Макса Планка⁵², представляющие собой совокупность положений, направленных на регулирование вопросов международной юрисдикции, определения применимого права, а также признания и приведения в исполнение судебных решений по трансграничным спорам, связанным с нарушением интеллектуальных прав.

Несмотря на отсутствие обязательной юридической силы, акты «мягкого права» оказывают существенное влияние на развитие международного регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Закрепленные в них подходы используются при разработке национального законодательства, формировании правоприменительной практики, а также при разрешении трансграничных споров, связанных с использованием результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде. Вместе с тем, использование актов «мягкого права» не устраняет существующих различий между национальными правовыми порядками, поскольку содержащиеся в них положения не являются обязательными для государств и применяются с учетом особенностей внутреннего законодательства.

Таким образом, развитие цифровой среды обусловило необходимость адаптации существующих механизмов международно-правовой защиты интеллектуальных прав к современным способам использования результатов интеллектуальной деятельности. Территориальный характер интеллектуальных прав и отсутствие унифицированных подходов к определению юрисдикции, применимого права и исполнению судебных решений обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования международного регулирования с учетом особенностей цифрового использования результатов интеллектуальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аламова, С.М. Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Вестник экономики, права и социологии. - 2025. - № 3. - С. 160-164.
2. Алешина, А.В. Международно-правовые стандарты в сфере регулирования интеллектуальной собственности: эффективность применения Российской Федерацией // Образование и право. - 2024. - № 6. - С. 499–501.
3. Виноградов, А.А. «Forum Shopping» и право Европейского Союза // Московский ж-л междунар. права. - 2010. - № 4 (80). - С. 141-154.
4. Глинщикова, Т.В., Зенцов, Н.А., Базылев, З.Н. Международно-правовая охрана авторских прав в сети «Интернет» // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 2 (230). - С. 365-366.

⁵¹ Малиновский, О.Н. К вопросу о нормах международного «мягкого права» о правах человека // Законность и правовой порядок в современном обществе. - 2014. - № 17. - С. 124.

⁵² Principles on Conflict of Laws in Intellectual Property // Max-Planck-Institut für Innovation und Wettbewerb. - URL: https://www.ip.mpg.de/fileadmin/ipmpg/content/clip/Final_Text_1_December_2011.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

5. Малиновский, О.Н. К вопросу о нормах международного «мягкого права» о правах человека // Законность и правопорядок в современном обществе. - 2014. - № 17. - С. 123-131.
6. Меньщикова, В.И., Лаврик, Т.М. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: правовые барьеры и драйверы роста для творческого предпринимательства // Гуманит., социально-экономич. и обществ. науки. - 2026. - № 1. - С. 119-127.
7. Подольский, А.В., Олшанский, А.С. К вопросу о значении «мягкого права» в международно-правовом регулировании // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 3. - С. 507-510.
8. Рыболовлева, Н.С. Цифровизация общественных отношений: риски и угрозы // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 5 (221). - С. 133-135.
9. Терентьева, Л.В. Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии) // Ж-л Высшей шк. экономики «Право». - 2013. - № 3. - С. 151-177.
10. Тиунова, А.И. Нарушение исключительных прав в сети «Интернет»: сравнительный анализ регулирования по вопросу применимого права // Цифровое право. - 2022. - Т. 3. - № 2. - С. 8-24.
11. Томаров, И. Определение юрисдикции в спорах о нарушении авторских прав в сети // Zakon.ru. - URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/25/opredelenie_yurisdikcii_v_sporah_o_narushenii_avtorskih_prav_v_seti (дата обращения: 07.05.2026).
12. Principles on Conflict of Laws in Intellectual Property // Max-Planck-Institut für Innovation und Wettbewerb. - URL: https://www.ip.mpg.de/fileadmin/ipmpg/content/clip/Final_Text_1_December_2011.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
13. Riefa, C. The end of Internet Service Providers liability as we know it - Uncovering the consumer interest in CJEU Case C-324/09 (L'Oréal/eBay) // Zeitschrift für Europäisches Unternehmens-und Verbraucherrecht. - 2012. - Vol. 1. - № 2. - Pp. 104-111.
14. Yu, P. The Global Intellectual Property Order and Its Undetermined Future // Washington Journal of Law, Technology & Arts. - 2015. - Vol. 10. - Pp. 275-279.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ СТАНДАРТОВ В РОССИИ

Матвеев Г.В., канд. ист. наук, доцент кафедры конституционного и международного права
УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

Аннотация. В настоящей работе поговорим о проблемах выполнения Россией своих международных обязательств в сфере трудовых отношений. Проблема взаимодействия внутреннего трудового права с международными трудовыми нормами показывает, что эффективная имплементация этих стандартов требует не только формального включения данных правил в правовую систему, но и создания механизма их реализации. Дальнейшее совершенствование трудового законодательства должно учитывать как международные обязательства России, так и передовой опыт других стран, а также рекомендации международных организаций.

Ключевые слова: источники международного права, международные обязательства, международные трудовые стандарты, международная организация труда, имплементация.

В настоящей статье речь пойдет о проблемах выполнения Россией своих международных обязательств в сфере трудового законодательства и в правоприменительной практике. В современной отечественной доктрине международного права подчеркивается, что национальное и международное право находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии, но не подчинены друг другу в иерархическом порядке. Такая взаимосвязь особенно значима в области труда. Взаимодействие между национальным трудовым законодательством и международно-правовыми нормами имеет двусторонний характер. Так, с одной стороны, нормы международного трудового права зависят от национальных трудовых норм, а с другой - сильно влияют на законодательство в сфере труда различных стран мира. Взаимодействие национального трудового законодательства и международных трудовых стандартов осуществляется либо в форме имплементации либо в форме принятия внутреннего трудового законодательства с учетом вышеназванных стандартов труда. Если в первом случае международные нормы включаются в национальную правовую систему, то во втором случае законодатели учитывают международные стандарты уже на этапе разработки нормативных актов.

В Российской Федерации закреплено конституционное основание для внедрения норм международного права. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации входят в состав ее правовой системы».

В частности, процесс имплементации отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁵³.

⁵³ Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2003. - № 12.

Именно в этом Постановлении говорится о том, что международные соглашения будут действовать на территории страны.

Исторический опыт Международной организации труда (МОТ) демонстрирует, что простая ратификация конвенции не всегда обеспечивает их эффективную реализацию. Начиная с 1930-х годов, контрольные органы МОТ неоднократно указывали государствам на недостаточность формального включения международных норм во внутреннее право страны. Для полноценной реализации конвенции необходим международный контроль. Таким образом, международные соглашения о труде приобретают двойную роль:

- как источник международного права;
- как источник внутреннего права - используются на территории страны.

Исходя из этого, международные трудовые стандарты часто являются источником вдохновения для национального законодателя.

В процессе разработки внутреннего трудового законодательства принимаются во внимание не только обязательные международные договоры, но и акты «мягкого права», а также международные соглашения, не налагающие на государства юридических обязательств. Еще в 2001 г. Правительство нашей страны обратилось к Международной организации труда с просьбой дать свой критический отзыв на проект Трудового кодекса России. Многие из предложений МОТ были воплощены в тексте Нового кодекса. Среди них запрет дискриминации в сфере трудовых отношений, свобода объединений.

Конечно же, для юриста важно определить, что лежит в основе определения международных трудовых стандартов. Прежде всего, к ним относятся:

- а) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- б) международные соглашения России;
- в) толкование норм международных договоров непосредственно МОТ;
- г) рекомендательные акты международных организаций в сфере трудовых отношений;
- д) международные соглашения Россия в сфере трудовых отношений, где нет юридических обязательств государства.

Главными разработчиками и хранителями трудовых стандартов в мире являются: Международная организация труда (Международные правила в сфере труда закреплены в документах ООН - Всеобщая декларация прав человека); конвенции и рекомендации МОТ; региональные соглашения. Главные правила, которые закреплены в этих международных соглашениях:

- Право на труд и свободу труда, которая выражается в запрете дискриминации в трудовых отношениях.
- Равенство как в оплате труда, так и в возможностях при заключении трудового соглашения.
- Свобода в создании профсоюзов и возможности вести коллективные переговоры.
- Безопасные условия труда и ограничение рабочего времени.

Одной из проблем является соблюдение международных трудовых стандартов в нашей стране. Приведение внутреннего законодательства и правоприменительной практики в соответствие с ними сталкивается с рядом

системных трудностей:

- **Свобода профсоюзов и забастовок.** Международные стандарты гарантируют профсоюзам независимость. В РФ независимые объединения работников (например, альтернативные профсоюзы) часто сталкиваются с давлением. Процедура организации легальной забастовки в Трудовом кодексе РФ настолько усложнена, что на практике забастовки признаются незаконными почти в 100% случаев.

- **Дискриминация и гендерное неравенство.** Несмотря на конституционные гарантии, на практике сохраняются проблемы с «профессиональным потолком» для женщин, неравенством в оплате труда и скрытой дискриминацией (например, при беременности или наличии детей).

- **Защита прав мигрантов.** Значительная часть трудовых мигрантов в РФ работают в теневом секторе, лишены официальных договоров, социальных гарантий и возможности отстаивать свои права, что противоречит базовым принципам достойного труда.

- **Неформальная занятость и «серые» зарплаты.** Использование срочных договоров для уклонения от постоянных обязательств, «конвертные» схемы оплаты труда и самозанятость, маскирующая трудовые отношения, нарушают стандарты социальной защиты и пенсионного обеспечения.

- **Охрана труда.** В ряде отраслей производства до сих пор существуют проблемы обеспечения нормального уровня безопасности труда и компенсации за вредные условия.

Кроме того, есть попытки не сократить продолжительность рабочего времени, а, наоборот, его увеличить. Так, большой резонанс в обществе был вызван предложением, сделанным бизнесменом Олегом Дерипаской 30 марта 2026 г. Дерипаска, чье состояние, по данным Forbes, за 2025 г. выросло на 3,5 млрд. долл. США (85%) и составило 7,6 млрд. долл., предложил россиянам в своем Telegram-канале перейти на график «с **восьми до восьми**» с понедельника по субботу, чтобы пройти трансформацию и преодолеть экономический кризис в стране⁵⁴.

Видный российский государственный деятель и ученый-экономист А.А. Нечаев усомнился в инициативе: «Все зависит от того, какие задачи ставит перед собой экономика: помочь Дерипаске или остальным россиянам. Если помочь россиянам, то увеличение рабочего времени будет воспринято явно негативно, хотя, наверное, ВВП это слегка повысит. Но возникает вопрос, зачем мы это делаем: чтобы россиянам жилось лучше или для чего-то другого», - сказал он.

Тем временем глава комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ярослав Нилов заявил в интервью РИА-Новости, что вопрос перехода на шестидневную рабочую неделю в Госдуме не обсуждается, законопроект на эту тему нет. В свою очередь, заместитель президента Российской академии образования Геннадий Онищенко поддержал идею Дерипаски о переходе на шестидневную рабочую неделю и 12-часовой рабочий день для ряда отраслей экономики, однако добавил, что такой переход должен быть обоснован. Переход на 12-часовой рабочий день - грубое нарушение международных трудовых правил.

⁵⁴ <https://www.rbc.ru/economics/30/03/2026>.

Анализ взаимодействия национального трудового законодательства с международными трудовыми стандартами показывает, что эффективная имплементация этих стандартов требует не только формального включения норм в правовую систему, но и создания механизма их реализации. Дальнейшее совершенствование трудового законодательства должно учитывать как международные обязательства России, так и передовой опыт других стран, а также рекомендации международных организаций.

О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ И СТАНДАРТОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Мотрохин Е.Ю.⁵⁵

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и правовая природа правовых принципов и стандартов судебного процесса, их регламентация в национальных правовых системах и трактовка в международном праве. Показано взаимодействие национальных правовых систем и международного правотворчества в процессе формирования международно-правовых принципов судопроизводства, а также их отличие от международных стандартов судебной деятельности. Указывается на формирование в международном праве новой отрасли - права международного правосудия, играющей важную роль в систематизации и закреплении международно-признанных принципов судопроизводства.

Ключевые слова: правовые принципы, правовые стандарты, национальное право, международное право, международно-правовые принципы судопроизводства, международное право прав человека, право международного правосудия.

Abstract. The article examines the concept and legal nature of legal principles and standards of the judicial process, their regulation in the national legal systems of states, and their interpretation in international law. It shows the interaction of national legal systems and international law-making in the process of forming international legal principles of legal proceedings, as well as their differences from international standards of judicial activity. The article also highlights the formation of a new branch of international law, the law of international justice, which plays an important role in the systematization and consolidation of internationally recognized principles of legal proceedings.

Keywords: legal principles, legal standards, national law, international law, international legal principles of legal proceedings, international human rights law, international justice law.

Судебная деятельность, как и всякая другая властная публичная деятельность, нуждается в подробном юридическом упорядочении. Судебное правоприменение не только осуществляется в строго определенной последовательности, но и строится в соответствии с целым рядом принципов и требований. По мнению А.Н. Гуськовой, принципы правосудия «устанавливают нормативные требования к механизму его осуществления, важнейшие права, обязанности участников процесса и характер их взаимоотношений друг с другом и с судом. В итоге они определяют исторический тип (форму) судопроизводства». Отмечается также их строго обязательный характер - императивность⁵⁶. Данные

⁵⁵ Мотрохин Евгений Юрьевич - канд. юрид. наук, доцент УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

⁵⁶ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. - М.: Статут, 2011. - С. 340-341.

принципы в юридической науке принято классифицировать по сфере их действия на общеправовые (универсальные), межотраслевые, охватывающие две или более смежные, близкие отрасли права (уголовно-процессуальное и административно-процессуальное право) и отраслевые, свойственные какой-то конкретной отрасли права. Помимо этого, классификацию рассматриваемых принципов можно провести и в зависимости от направленности их содержания; в этой связи выделяют принципы, устанавливающие основополагающие требования к организации судебной власти и статусу судей (принципы судостроительства), и процессуальные принципы, определяющие требования к самой процедуре судопроизводства (принципы судопроизводства).

Что же собой представляют принципы судебного процесса (судопроизводства), признаваемые не только в одной стране, но и в международном сообществе государств? Под словом «принцип» обычно подразумевают основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, а также внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности⁵⁷. Принципы судебного процесса, поскольку, как уже отмечалось, вся деятельность суда по рассмотрению и разрешению отнесенных к его подведомственности дел осуществляется в правовой, процессуальной форме, выступают как правовые принципы. Говоря о правовых принципах, или принципах права, чаще всего имеют в виду его основополагающие, исходные идеи, положения, представляющие собой ведущие начала его формирования, развития и функционирования⁵⁸. Представление о принципах национального права зависит, в частности, от того, закреплены ли они прямо в нормативных актах (начиная с конституции) либо вытекают, выводятся из их смысла, содержания. Соответственно, первый подход (именуемый позитивистским) рассматривает в качестве принципов права только те руководящие идеи, исходные начала, которые прямо закреплены в тексте нормативных правовых актов – официальных источников норм права. Второй же подход (который может быть обозначен как доктринальный) считает принципами права те положения, которые выводятся учеными, специалистами в области юриспруденции путем толкования и анализа признанных источников права, правоприменительной практики и иных правовых явлений. При этом регулятивную функцию выполняют именно законодательно закрепленные принципы.

Если вести речь о внутригосударственной (национально-правовой) регламентации принципов и стандартов судебного процесса, то в подавляющем большинстве стран они фиксируются в конституциях, а также в принятых на их основе законах. В частности, профессор В.Е. Чиркин называет следующие свойственные большинству стран общие конституционные принципы осуществления судебной власти: осуществление правосудия только судом; участие представителей населения в отправлении правосудия; независимость судей и подчинение их только закону; свобода доступа к суду; коллективное отправление правосу-

⁵⁷ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 595-596; Большой энциклопедич. словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С. 960.

⁵⁸ Марченко, М.Н., Дерябина, Е.М. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2013. - С. 174.

дия; ведение судебного процесса на языке, понимаемом сторонами; гласность, т.е. открытый, устный, публичный суд; возможность обжалования и пересмотра судебного решения; ответственность государства за судебную ошибку. Также им указывается на ряд особых принципов уголовного процесса (право обвиняемого на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей; право пользоваться помощью адвоката с момента задержания; запрет двойного наказания)⁵⁹. Другие авторы выделяют такие нашедшие отражение в конституционном праве универсальные демократические принципы судебной деятельности, как: запрет чрезвычайных судов; независимость судов и судей, подчиняющихся только закону; участие граждан в отправлении правосудия⁶⁰. Названные выше отправные, исходные положения носят обобщенный характер; при этом, чаще всего в конституционных актах закрепляются последние три⁶¹. Вместе с тем, в конституциях отдельных стран правовые основы организации и деятельности судов получают значительно более подробную регламентацию: так, в ст. 111 Конституции Итальянской Республики дополнительно отражены принципы: справедливого процесса, состязательности, разумной продолжительности процесса, мотивированности всех актов правосудия и некоторые др.⁶². Более детально данные конституционные принципы воспроизводятся и дополняются в законодательстве государств о судеустройстве, гражданско-процессуальном, уголовно-процессуальном и др.

В международно-правовой доктрине среди российских ученых сложилось аналогичное понимание международно-правовых принципов как наиболее общих, признанных международным сообществом и носящих характер *jus cogens* норм, отражающих сущностные черты международного права и играющих системообразующую для него роль⁶³. Принципы международного права проявляются в устойчивой международной правоприменительной практике, а отступление от них должно влечь для допустивших это субъектов неблагоприятные юридические последствия. Сказанное характеризует, прежде всего, основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и ряде других важнейших источников. Наряду с ними, в международной нормативной системе действуют и иные нормы-принципы. Речь идет об отраслевых принципах международного права и об общих принципах права.

Принципы отдельных отраслей международного права представляют

⁵⁹ Чиркин, В.Е. Конституционное право: Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - С. 232-234.

⁶⁰ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для бакалавров / Отв. ред. Б.А. Страшун. - М.: Проспект, 2013. - С. 151-153.

⁶¹ Так, принципы запрета чрезвычайных судов, независимости судов и судей, подчинения их только закону и участия граждан в отправлении правосудия закреплены, например, в статьях 97 (1), 101 (1) Основного закона Германии 1949 г.; статьях 101-102, 108 Конституции Итальянской Республики 1947 г.; статьях 173, 175, 178, 182 Конституции Республики Польша 1997 г. // Избран. конституции зарубеж. стран: Учебное пос. / Отв. ред. Б.А. Страшун. - М.: Юрайт, 2011. - С. 259-260, 315-317, 377-378.

⁶² Там же. - С. 317-318.

⁶³ Курс междунар. права: В 7-ми т. - Т. 1. Понятие, предмет и система междунар. права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. - М.: Наука, 1989. - С. 28, 261; Курс междунар. права. - Т. 2. Основные принципы междунар. права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. - М.: Наука, 1989. - С. 5; Мовчан, А.П. Междунар. правопорядок. - М.: Инст. государства и права РАН, 1996. - С. 40-41; Лукашук, И.И. Междунар. право. Общая часть: Учебник. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - С. 156. Однако, по мнению В.Л. Толстых, лишь некоторые принципы являются нормами *jus cogens* (запрет агрессии, право народов на самоопределение, некоторые права человека). - Толстых, В.Л. Курс междунар. права: Учебник. - М.: Проспект, 2018. - С. 159

собой определенную адаптацию, нормативное развитие его основных принципов применительно к специфике регулируемых соответствующей отраслью межгосударственных отношений. Так, международное морское право имеет в качестве своего отраслевого принципа принцип свободы открытого моря; международное космическое право основывается на принципе запрета национального присвоения космического пространства и небесных тел, их открытости для исследований и т.д. Иногда мы встречаемся с ситуацией, когда новые, формирующиеся, отрасли международного права базируются не на одном, а на нескольких принципах (например, международное экономическое право). В юридической литературе также в числе иных принципов, регламентирующих международные отношения, ряд авторов выделяет и общие принципы права, не относя их, как правило, при этом к системе международно-правовых норм. В качестве таких принципов чаще всего понимаются принципы, совпадающие по содержанию как в сфере международного, так и внутригосударственного права и отражающие закономерности правоприменения в любой правовой системе⁶⁴. Они имеют особое значение для регламентации международной судебной деятельности, затрагивающей интересы двух или более государств, поскольку, как писал в свое время Я. Броунли, «в межгосударственной практике невозможно или, по крайней мере, трудно выработать процессуальные и доказательственные нормы, которые должен применять суд. Международный суд выбирает, уточняет и адаптирует элементы, которые он берет из наиболее развитых систем...». В этой связи обращается внимание, что в решениях Международного суда ООН и его предшественника есть ссылки на такие общие принципы (правила): никто не может быть судьей в собственном деле; суд не должен рассматривать вопрос, который уже рассматривается другим судом; недопустимо повторное рассмотрение однажды решенного дела (*res judicata*) и др.⁶⁵. В Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге от 8 августа 1945 г., созданном для суда над главными нацистскими военными преступниками, и в Регламенте Трибунала нашли отражение следующие признанные во многих странах принципы судопроизводства: публичность, независимость судей, обеспечение обвиняемым права на защиту, состязательность⁶⁶.

В международно-правовой доктрине, а также и во многих международных актах, наряду с понятием «принципы», используется и такая категория, как «международно-правовые стандарты». Часто о международно-правовых стандартах как о некоем принятом, незыблемом уровне правовой регламентации говорится в связи с необходимостью обеспечения нормативно закреплённого минимума прав и свобод индивида⁶⁷. Такие стандарты могут

⁶⁴ Лукашук, И.И. Указ. соч. - С. 160; Междунар. право: Учебник / Под ред. А.Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2011. - С. 89, 102.

⁶⁵ Броунли, Я. Междунар. право: В 2-х кн. - Кн. 1-я: Пер. с англ. С.Н. Андрианова / Под ред. Г.И. Тункина. - М.: Прогресс, 1977. - С. 42, 45.

⁶⁶ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Под ред. И.А. Ледях и И.И. Лукашука. - М.: Инст. государства и права РАН, 1995. - С. 76-79.

⁶⁷ См. например: Карташкин, В.А. Правовые последствия ратификации Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // В сб.: Российский ежегодник междунар. права. 1995. - СПб.: СКФ «Россия-Нева», 1996. - С. 142-143; Тиунов, О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и междунар. право // Там же. - С. 188-189; Султанов, А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. - М.: Статут, 2012. - С. 153-154.

быть универсальными, общепризнанными и региональными (например, общеевропейскими). Иногда термин «стандарты» (англ. standards) используется и для обозначения согласованных на межгосударственном уровне юридико-технических норм, выработанных, как правило, под эгидой соответствующих международных организаций и применяемых, в частности, в сфере использования атомной энергии, гражданской авиации, труда, туристской деятельности, таможенных правил и процедур и т.д. Особое значение имеют международные стандарты в сфере правосудия. По мнению Т.Г. Морщаковой, представления о справедливом правосудии не могут быть реализованы на национальном уровне без воплощения в устройстве суда целого ряда характеристик, касающихся его институционального оформления (независимость судебных органов, их создание на основе закона, право на рассмотрение дела в суде, к подведомственности которого оно отнесено законом, и т.д.). Наряду с данными судостроительными стандартами, ей выделяются и процессуальные стандарты судопроизводства (состязательность при рассмотрении дела, равноправие в процессуальных возможностях, обеспечение участвующих в деле лиц квалифицированной юридической помощью, возможность обратиться в открытом разбирательстве к форуму общественности)⁶⁸. Также могут быть выделены и свои стандарты по разным категориям дел - например, обязательные стандарты доказывания, которыми руководствуются международные уголовные суды и трибуналы на разных стадиях производства по делу⁶⁹.

Таким образом, под международно-правовыми принципами судебного процесса (судебной деятельности) следует понимать наиболее общие, основополагающие нормы судопроизводства, получившие, как правило, международное признание на универсальном либо региональном уровне в качестве норм *jus cogens*. В качестве их примера назовем принципы независимости суда, состязательности и справедливости, распространяющие свое действие на все стадии, элементы судебной деятельности. Международные же стандарты судебной деятельности представляют собой международные процессуальные нормы более частного порядка, рассчитанные на регламентацию отдельных вопросов в ходе судебного разбирательства. Для признания их обязательными для конкретного государства (государств) необходимо, как правило, их явно выраженное на то согласие. Сюда можно отнести, например, правило о невозможности использования в судебном процессе доказательств, полученных с нарушением закона. В целом же нельзя не отметить значительную близость этих двух категорий международно-правовых предписаний. В международных документах, посвященных рассматриваемой проблеме, нередко используются оба термина, т.е. и «принципы», и «стандарты»⁷⁰.

⁶⁸ Стандарты справедливого правосудия (междунар. и нац. практики) / Под ред. д-ра юрид. наук Т.Г. Морщаковой. - М.: Мысль, 2012. - С. 18-19.

⁶⁹ Романов, Р.В. Стандарты доказывания в междунар. уголовном процессе // В сб.: Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях: Материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.): В 2-х ч. - Часть 2: Актуальные проблемы теоретического правоведения, междунар. права и отраслевого законодательства / Под общ. ред. Р.Ф. Степаненко, И.Г. Гараниной, А.В. Солдатовой. - Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2016. - С. 277-280.

⁷⁰ Особенно это характерно для документов, принятых под эгидой ООН. - См., например: Резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 г. «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» // В сб.: СССР и междунар. сотрудничество в области прав человека:

Еще один вопрос, который должен быть нами рассмотрен для более глубокого и полного уяснения сущности и содержания международных принципов и стандартов судебного процесса, – это вопрос о месте данных норм в общей системе международного права. Право индивида на судебную защиту, включая право на обращение в международные судебные органы, рассматривается как одно из основных, неотчуждаемых прав человека. В связи с этим и само это право, и его принципиальные положения, отдельные элементы должны регламентироваться в рамках такой признанной в настоящее время отрасли международного права, как международное право прав человека (далее – МППЧ), включающей все принципы и нормы, направленные на обеспечение и защиту прав и свобод индивида⁷¹. Вместе с тем, само МППЧ как отрасль представляет собой довольно широкое по предмету регулирования, охватываемым вопросам образование. В нем, как минимум, выделяют два блока норм:

- Во-первых, нормы, регламентирующие международное сотрудничество по специальным вопросам обеспечения и защиты прав индивида (вопросы гражданства, правового статуса иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев, мигрантов, национальных, религиозных меньшинств и некоторых других категорий лиц, а также права убежища).

- Во-вторых, это общие международные принципы и стандарты в области прав человека, включая международные механизмы их обеспечения и защиты.

На практике в сферу МППЧ вовлекаются многочисленные разнородные и мало связанные между собой проблемы и вопросы: преодоление голода и экономической отсталости жителей развивающихся стран, охрана окружающей среды, право на самоопределение, борьба с международной преступностью и терроризмом, защита жизни человека и его достоинства, право на информацию и ее свободное распространение, защита и поощрение иных демократических институтов, защита прав различного рода меньшинств, права «четвертого поколения», биоэтика и т.д. Ввиду изложенного, а также изначальной нацеленности МППЧ на урегулирование вопросов гуманитарного материально-правового характера, оно вряд ли может претендовать на исчерпывающее закрепление принципов и стандартов судебного процесса (хотя и фиксирует некоторые важные нормы, касающиеся судебной защиты прав индивида).

Названные выше принципы и стандарты судебного процесса находят более полное воплощение в рамках источников новой, складывающейся, отрасли международного права, которая может быть поименована как право международного правосудия или, как его еще называют в литературе, право

Документы и материалы / Ред. колл.: А.Л. Адамишин (отв. ред.) [и др.]. - М.: Междунар. отношения, 1989. - С. 537-541.

⁷¹ Концепция МППЧ (как варианты, используются наименования отрасли «права человека», «международное право защиты прав человека») поддерживается, в частности, В.А. Карташкиным, И.И. Лукашук, Д.К. Бекашевым, О.В. Гликман, Д.В. Ивановым, Ю.М. Колосовым, В.В. Гавриловым, Е.Г. Моисеевым. Из работ зарубежных правоведов, пользующихся термином «международное право прав человека» (international law of human rights), можно назвать, например: D. Barak-Erez. The international law of human rights and constitutional law: a case study of an expanding dialogue // Oxford University Press and New York University School of Law. - 2004. - Vol. 2. - № 4. - Pp. 611-632. - URL: <http://www.tau.ac.il/icon.pdf> (дата обращения: 30.07.2016); Ilias Bantekas, Lutz Oette. International Human Rights: Law and Practice. - Cambridge University Press, 2013; Gerald, L. Neuman. Bi-Level Remedies for Human Rights Violations // Harvard International Law Journal. - Vol. 55. - Issue 2. - Summer 2014. - Pp. 323-360.

международных судов⁷². Источниками ее норм являются все учредительные международно-правовые акты, закрепляющие правовые основы статуса и юрисдикции международных судебных органов, правила их организации и деятельности. Обычно такие учредительные акты существуют в форме международных договоров (универсальных либо региональных), но на практике известно и формирование международных трибуналов (по бывшей Югославии, Руанде) на основании резолюций Совета Безопасности ООН.

Ключевым элементом деятельности международных судебных учреждений является их процедура⁷³. В литературе выделяют такие общие характеристики международной судебной процедуры, как: независимость судебного или арбитражного органа (в отличие от внутригосударственного суда, международный судебный орган не входит в единую иерархическую судебную систему); необходимость получения согласия заинтересованных государств на компетенцию суда или арбитража по разрешению спора; разрешение правовых споров на основе международного права; заранее определенный процесс разбирательства; обязывающий в целом характер решения, исполнение которого возлагается на спорящие стороны⁷⁴. В то же время, как обоснованно отмечалось Г.Г. Шинкарецкой, «в международных судах есть судебное присутствие, есть тяжущиеся стороны, свидетельские показания, эксперты, и решения судов имеют обязательную силу – все это сближает их с национальными судами»⁷⁵. Добавим – это позволяет международным судам и трибуналам использовать в своей деятельности практически те же правовые принципы и стандарты, что и органы национального правосудия государств, обогащая их содержание при этом путем международного толкования и правотворчества.

Резюмируя, можно сделать вывод, что международные принципы и стандарты судебного процесса (во многих случаях общие как для международных, так и для внутригосударственных судов) находят свое воплощение в различных источниках международного права, которые не могут быть отнесены только к какой-то одной конкретной его отрасли. Соответствующие нормы организационно могут входить в различные отрасли, закрепляться во многих международно-правовых актах. Скажем, международно-правовые принципы и гарантии, определяющие характер судебного разбирательства дела в Международном уголовном суде (далее -МУС), содержатся в таких признанных источниках международного права, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Римский статут МУС. Кроме того, их конкретизация и развитие осуществлены в Правилах процедуры и доказывания Суда, а толкование применительно к определенным делам – посредством прецедентной судебной практики Европейского суда по правам

⁷² Междунар. право: Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - С. 402-403.

⁷³ Как отмечал еще М.О. Хадсон, эта процедура во многом определяется положениями их учредительных документов, но обычно предусматривается их дополнение правилами, разработанными соответствующим судом. - См.: Хадсон, М.О. Междунар. суды в прошлом и будущем: Пер. с англ. Ф.Е. Богомольной / Под ред. проф. С.Б. Крылова. - М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947. - С. 128.

⁷⁴ Шинкарецкая, Г.Г. Междунар. судебная процедура. - М.: Наука, 1992. - С. 22-23; Междунар. право: Учебник для бакалавров / Под ред. А.Я. Капустина. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2016. - С. 430-431.

⁷⁵ Шинкарецкая, Г.Г. Указ. соч. - С. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедич. словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С. 960.
2. Броунли, Я. Междунар. право: В 2-х кн. - Кн. 1-я: Пер. с англ. С.Н. Андрианова / Под ред. Г.И. Тункина. - М.: Прогресс, 1977. - С. 42, 45.
3. Карташкин, В.А. Правовые последствия ратификации Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // В сб.: Российский ежегодник междунар. права, 1995.
4. Конституционное (гос.) право зарубежных стран: Учебник для бакалавров / Отв. ред. Б.А. Страшун. - М.: Проспект, 2013. - С. 151-153.
5. Костенко, Н.И. Междунар. уголовный суд. - М.: ПРИОР, 2002. - С. 108, 180-187.
6. Курс междунар. права: В 7-ми т. - Т. 1. Понятие, предмет и система междунар. права / Ю.А. Баскин, Н.Б. Крылов, Д.Б. Левин и др. - М.: Наука, 1989. - С. 28, 261.
7. Курс междунар. права. - Т. 2. Основные принципы междунар. права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкин, Б.М. Клименко и др. - М.: Наука, 1989. - С. 5.
8. Лукашук, И.И. Междунар. право. Общая часть: Учебник. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - С. 156.
9. Лукашук, И.И. Указ. соч. - С. 160; Междунар. право: Учебник / Под ред. А.Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2011. - С. 89, 102.
10. Марченко, М.Н., Дерябина, Е.М. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2013. - С. 174.
11. Междунар. и внутригос. защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. - М.: Статут, 2011. - С. 340-341.
12. Междунар. право: Учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - С. 402-403.
13. Мовчан, А.П. Междунар. правопорядок. - М.: Инст. государства и права РАН, 1996. - С. 40-41.
14. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Под ред. И.А. Ледях и И.И. Лукашука. - М.: Инст. государства и права РАН, 1995. - С. 76-79.
15. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь рус. языка. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 595-596.
16. Романов, Р.В. Стандарты доказывания в междунар. уголовном процессе // В сб.: Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях: Материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.): В 2-х ч. - Часть 2: Актуальные проблемы теоретического правоведения, международного права и отраслевого законодательства / Под общ. ред. Р.Ф. Степаненко, И.Г. Гараниной, А.В. Солдатовой. - Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2016. - С. 277-280.
17. Стандарты справедливого правосудия (междунар. и нац. практики) / Под ред. д-ра юрид. наук Т.Г. Морщаковой. - М.: Мысль, 2012. - С. 18-19.
18. Султанов, А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и пра-

⁷⁶ Костенко, Н.И. Междунар. уголовный суд. - М.: ПРИОР, 2002. - С. 108, 180-187.

воприменительная практика. - М.: Статут, 2012. - С. 153-154.

19. Толстых, В.Л. Курс междунар. права: Учебник. - М.: Проспект, 2018. - С. 159.

20. Хадсон, М.О. Междунар. суды в прошлом и будущем: Пер. с англ. Ф.Е. Богомольной / Под ред. проф. С.Б. Крылова. - М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947. - С. 128.

21. Чиркин, В.Е. Конституционное право: Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - С. 232-234.

22. Шинкарецкая, Г.Г. Междунар. судебная процедура. - М.: Наука, 1992. - С. 22-23; Междунар. право: Учебник для бакалавров / Под ред. А.Я. Капустина. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2016. - С. 430-431.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Солдатова А.В.⁷⁷

Солдатов Я.В.⁷⁸

Аннотация. Статья посвящена историко-теоретическому анализу проблемы обеспечения и защиты прав человека в условиях гибридных войн. В работе рассматриваются эволюция понятия «гибридная война», его основные характеристики и отличия от традиционных форм вооруженных конфликтов. Особое внимание уделяется анализу новых вызовов и угроз, возникающих для прав человека в условиях гибридных противостояний, включая информационные, кибератаки, экономическое давление, политическое вмешательство и поддержку негосударственных акторов. На основе исторического опыта и современных примеров авторы исследуют, как гибридные методы ведения войны влияют на гражданское население, международные стандарты прав человека и эффективность существующих механизмов их защиты. В статье делается вывод о необходимости адаптации международно-правовых норм и развития новых подходов к защите прав человека в условиях современных гибридных угроз.

Ключевые слова: права человека, гибридная война, международно-правовые механизмы защиты права человека.

Abstract. The article is devoted to the historical and theoretical analysis of the problem of ensuring and protecting human rights in the context of hybrid wars. The paper examines the evolution of the concept of «hybrid war», its main characteristics, and its differences from traditional forms of armed conflict. Special attention is given to the analysis of new challenges and threats to human rights in the context of hybrid confrontations, including information warfare, cyberattacks, economic pressure, political interference, and support for non-state actors. Based on historical experience and contemporary examples, the authors explore how hybrid warfare affects civilians, international human rights standards, and the effectiveness of existing mechanisms for protecting human rights. The article concludes that there is a need to adapt international legal norms and develop new approaches to protecting human rights in the face of modern hybrid threats.

Keywords: human rights, hybrid warfare, international legal mechanisms for protecting human rights.

Турбулентный характер развития современного мира детерминирует возникновение новых угроз человечеству на фоне ранее не решенных проблем изменения климата, международной преступности, пандемий вирусных инфекций и др. Происходящие трансформации не только оказывают влияние на все сферы общественной жизни, но и видоизменяют военные конфликты.

⁷⁷ Солдатова Алена Владимировна - канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань. - soldatovaalena@yandex.ru.

⁷⁸ Солдатов Яков Владимирович. - канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань. - yacovsoldatov@yandex.ru.

Перечисленные факторы в своей совокупности крайне негативно отражаются на состоянии прав человека, степени их соблюдения, охраны и защиты как со стороны отдельных государств, так и международных организаций и правовых институтов. Сказанное актуализирует анализ вопросов прав человека в условиях гибридных войн.

Протекающие на сегодняшний день процессы столь быстротечны, что можно достаточно уверенно судить о возникающей коллизии окружающей действительности и ее понимания большей частью населения нашей планеты. Данное обстоятельство представляет значительный риск мировой безопасности, о чем предупреждают современные философы и представители иных научных отраслей. Не способность осознать опасность последствий происходящих событий и осуществляемых действий может привести к катастрофическим для всего человечества итогам. Существенное значение при этом имеет деформация общественного сознания в силу устойчивой тенденции утраты навыков критического мышления. Следовательно, современный глобальный кризис имеет системный характер и многоаспектный генезис.

Обращаясь к анализу характера современных войн и вовлеченности в них гражданского населения, следует отметить, что исторически установление Вестфальской системы международных отношений повлекло появление классической теории тринитарной войны, в основу которой положен тезис о разделении в вооруженных конфликтах народа, армии и государства. В соответствии с данной концепцией войны ведутся между государствами, в их интересах, а непосредственным и единственным участником боевых действий выступает армия, как следствие, население воюющих стран не может и не должно являться объектом вооруженной агрессии.

Полное попрание принципов тринитарной войны произошло во время Второй мировой войны, ставшей войной на выживание наций, так называемой тотальной войной⁷⁹. Хорошо известно, что это повлекло не только вовлечение в войну всего населения, но и геноцид советского народа. Примечательно, что отступление от основ тринитарной войны допускал не только гитлеровский режим, но и члены антифашистской коалиции в лице США и Великобритании, осуществлявших ковровые бомбардировки, направленные не только на уничтожение ресурсов фашистской Германии, но и разрушение мирных городов со значительными жертвами среди гражданского населения (бомбардировки Дрездена, Кенигсберга, применение ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки).

Историко-правовой анализ международно-правовых механизмов защиты прав человека и возможного предотвращения ужасов Второй мировой войны свидетельствует об их несостоятельности и бессилии. Ни обновленная после Первой мировой войны Женевская конвенция, ни Лига наций не смогли обеспечить безопасность на Европейском континенте, что впоследствии было фактически списано на отсутствие соответствующей международно-правовой базы. Для предотвращения будущих угроз мировой безопасности была создана Организация Объединенных Наций, заложены основы современного

⁷⁹ Понятие «тотальная война» использовано в работе немецкого генерала Людендорфа «Der Totale Krieg», написанной им после осмысления опыта Первой мировой войны в 1935 г. и ставшей одной из идеологических основ фашизма.

международного гуманитарного права, основу которого составили принятые в 1949 г. четыре Женевские конвенции⁸⁰, а также протоколы к ним. Данные международно-правовые акты были призваны защищать права человека, ценность которых была переосмыслена после трагических военных событий как отдельными странами, так и международным сообществом. Однако, к большому сожалению, на сегодняшний день и эти нормы международного права становятся бессильными перед лицом военных преступлений и изменения характера боевых действий.

Ретроспективно смена стратегии и тактики ведения войны произошла не в XXI веке, а гораздо раньше – в 50-60-х гг. прошлого столетия, когда малочисленные, хорошо мотивированные, мобильные группы национально-освободительных движений продемонстрировали преимущество перед мощными регулярными армиями. Алжирская и Вьетнамская войны, операция США в Сомали и др. вооруженные конфликты показали, что превосходство военно-политического и экономического потенциала не является гарантией победы. Аналогичным образом складывается ситуация и в современных вооруженных противостояниях Израиля с Палестиной, Израиля и США с Ираном и т.д.

Появление оружия массового поражения, способности доставить ядерный заряд в любую точку мира, развитие высокоточных средств поражения, уход от позиционных войн с четкой линией фронта, наступлениями и контр наступлениями, использование в качестве «оружия» информации и дезинформации, введение санкционных режимов в обход норм международного права и иные факторы стали предпосылками появления понятия «гибридная война»⁸¹, имеющего междисциплинарный характер. Помимо сочетания военных и невоенных методов, возможно использование исключительно нетрадиционных способов ведения враждебных действий в мирное время. К примеру, оказание политического давления, поддержка оппозиционных сил, экономическое «удушение», активная антиправительственная пропаганда, кибератаки и даже совершение диверсий достаточно прочно входят в арсенал современных Европейских стран. При этом весьма привлекательной для «воюющей» стороны становится возможность отрицания своей причастности к происходящим процессам и событиям. Такие нетрадиционные войны фактически открыли новый вид фронта – умы воюющих народов. При таком подходе целью войны становится не территория противника, а завоевание душ людей враждебного государства⁸².

В российской военной мысли также акцентируется внимание на том, что ввиду особой значимости борьбы за умы и ценности населения противника информационное пространство становится одной из главных арен противостояния, на что указывал еще в 2013 г. начальник Генштаба России В.В. Герасимов⁸³. В сложившейся ситуации особо уязвимыми становятся права человека, их нару-

⁸⁰ Женевская конвенция (I) «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»; Женевская конвенция (II) «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»; Женевская конвенция (III) «Об обращении с военнопленными»; Женевская конвенция (IV) «О защите гражданского населения во время войны».

⁸¹ Концепция гибридной войны представлена Ф. Хоффманом в 2007 г.

⁸² Черноперов, В.Л., Сулейманова, У.И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски. - Ноосферные исслед. - 2021. - № 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-voyna-predposylki-poyavleniya-kontseptsii-suschnost-tseli-instrumentariy-pravovye-voprosy-riski> (дата обращения: 15.03.2026).

⁸³ Герасимов, В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышлен. курьер. - 2013. - 27 февр. - № 8 (476).

шение, к большому сожалению, - цена осуществления таких враждебных действий. Создаются серьезные угрозы политическим, социально-экономическим, культурным правам, а также так называемым новым правам человека (цифровым, информационным и т.д.), что неизбежно ведет к размыванию ценностей, заложенных во Всеобщей декларации прав человека.

Как следствие, актуализируются проблемы работоспособности и эффективности правовых механизмов защиты прав человека. Как справедливо отмечает в своем докладе Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, в настоящее время наблюдается «коррозия универсальных международных механизмов» защиты прав человека⁸⁴. Деградация международной системы защиты прав человека в числе прочего проявляется в политической ангажированности правозащитных структур, игнорировании проявлений дискриминации, актов геноцида и др., что снижает их авторитет, ведет к утрате доверия к их деятельности. При этом в упадок приходит международное сотрудничество как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Учитывая сказанное, очевидно назревание острой необходимости модернизации системы международных институтов защиты прав человека, гарантий их независимости, укрепления обеспечительных механизмов принимаемых ими решений. Безусловно, для этого необходимо адаптировать существующие международно-правовые нормы в сфере прав человека к новым гибридным угрозам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов, В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышлен. курьер. - 2013. - 27 февр. - № 8 (476).

2. Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год». [Электронный ресурс]. - https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad_2025.pdf.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

3. Солдатова, А.В. Гарантированность прав человека как признак современного правового государства / А.В. Солдатова, Я.В. Солдатов // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Чебоксары, 23 окт. 2025 г. - Чебоксары: ИД «Среда», 2025. - С. 245-247. - EDN YUTMYJ.

4. Черноперов, В.Л., Сулейманова, У.И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исслед. - 2021. - № 3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-voyna-predposylki-poyavleniya-kontseptsii-suschnost-tseli-instrumentariy-pravovye-voprosy-riski> (дата обращения: 15.03.2026).

⁸⁴ Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год». [Электронный ресурс]. - https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad_2025.pdf.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ

Салиева Р.Н.⁸⁵
Хайруллина А.Р.⁸⁶

Аннотация. В статье исследованы проблемы международно-правового регулирования обеспечения биологической безопасности при осуществлении трансграничного перемещения живых организмов. Анализ состояния обеспечения биологической безопасности и сохранения биоразнообразия в мире показывает, что в целом отсутствует современная целостная система международного регулирования указанных отношений. Рассмотрены противоречивые подходы к регулированию трансграничного перемещения организмов в связи с развитием современных биотехнологий, которые выпадают из зоны действия Картахенского протокола.

Ключевые слова: *живые организмы, живые измененные организмы, биотехнология, трансграничное перемещение, биоразнообразие, биологическая безопасность, Картахенский протокол, генная модификация, принцип предосторожности.*

Abstract. This article examines the issues of international legal regulation of biological safety during the transboundary movement of living organisms. An analysis of the state of biological safety and biodiversity conservation worldwide reveals the general lack of a modern, comprehensive system of international regulation of these relations. Conflicting approaches to regulating the transboundary movement of organisms are examined in connection with the development of modern biotechnologies that fall outside the scope of the Cartagena Protocol.

Keywords: living organisms, living modified organisms, biotechnology, transboundary movement, biodiversity, biosafety, Cartagena Protocol, genetic modification, precautionary principle.

Мировые проблемы, захлестнувшие весь мир, оттеснили решение вопросов международного экологического права, но при этом они требуют постоянного внимания и контроля. Одно из таких направлений международного экологического права - обеспечение биоразнообразия и биологической безопасности при осуществлении трансграничных перемещений организмов.

Обеспечение биологической безопасности в мире с целью предотвращения великого бедствия на планете - это принятие комплекса мер, направленных на защиту человека и окружающей среды от вредного воздействия биологических агентов (патогенов). Закон нашей страны к патогенным биологическим агентам (патогенам) относит «микроорганизмы, вирусы, белковоподобные инфекционные частицы (прионы), яды биологического происхождения (токсины), а также

⁸⁵ Салиева Рида Наильевна - канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань.

⁸⁶ Хайруллина Альфия Ринатовна - ст. преподаватель кафедры конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань.

иные биологические агенты, в том числе созданные в результате генетических манипуляций, применения технологий синтетической биологии и другой направленной деятельности, способные вызывать патологический процесс в организме человека, животного или в растениях, а также биологические материалы, в которых могут содержаться перечисленные патогены»⁸⁷.

НБИКС-конвергенция, полным ходом набирающая свою мощь на планете, ведет к невиданной тесной интеграции биотехнологии с другими технологиями, которые изначально не были связанными (нанотехнологии, информационные технологии, когнитивные и социогуманитарные технологии). Но в условиях смены доминирующих технологий бесконтрольный процесс достижения глобальной главной цели развития биотехнологий - решение фундаментальных проблем человечества: голода, болезней, энергетического кризиса и экологической деградации - может создать угрозу нарушения прав и свобод человека и, в конечном итоге, привести к потере ценности человеческой жизни.

Разберем, насколько в данном временном коридоре развития человеческого сообщества регулирование обеспечения биоразнообразия и биологической безопасности при осуществлении трансграничных перемещений организмов является лоскутным и фрагментарным.

Первый уровень международных договоров: Конвенция о биологическом разнообразии, принятая с участием России в Рио-де-Жанейро (1992 г.)⁸⁸, и Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (Монреаль, 29.01.2000 г.)⁸⁹. Юридическим инструментом обеспечения биобезопасности при трансграничных перемещениях является Картахенский протокол, который дает определение понятий «живой организм» (это любое биологическое образование, которое способно к передаче или репликации генетического материала) и «живой измененный организм» (т.е. любой живой организм, обладающий новой комбинацией генетического материала, полученной благодаря использованию современной биотехнологии). Протокол делит живые измененные организмы на: а) предназначенные для непосредственного использования в качестве продовольствия или корма либо для обработки и б) предназначенные для преднамеренной интродукции в окружающую среду.

В соответствии с Рио-де-Жанейрским принципом для этих двух групп живых измененных организмов принимаются меры предосторожности разной степени интенсивности - так, для второй категории живых измененных организмов предусмотрена процедура заблаговременного обоснованного согласия принимающей стороны; для первой группы предусмотрена более простая процедура согласования. Удивительное примечание, не вселяющее оптимизма: отсутствие научной достоверности ввиду недостаточных соответствующих научных информационных данных и знаний, касающихся масштабов возможного неблагоприятного воздействия живого измененного организма (из первой из указанных выше групп) на сохранение и устойчивое

⁸⁷ Федеральный закон от 30 дек. 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». - <http://pravo.gov.ru/>.

⁸⁸ Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) (Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 4 июля 1995 г.) // Бюллетень междунар. договоров. - 1996. - № 9. - С. 3.

⁸⁹ Статус Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции по биологическому разнообразию (Монреаль, 29.01.2000 г.) (США и Россия не участвуют) (по состоянию на 12.08.2025 г.). - base.garant.ru.

использование биологического разнообразия в принимающей такой организм стороне, не служит препятствием для принятия решения относительно импорта такого организма.

Следующий уровень регулирования обеспечения биобезопасности - в коллективном пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Здесь создана комплексная система регулирования трансграничного перемещения организмов, одновременно способствующая свободному передвижению товаров, услуг и людей в рамках единого экономического пространства.

Первое направление - карантинный фитосанитарный контроль (растения и растительная продукция) - нацелено на предотвращение завоза и распространения вредителей и болезней растений. Нормативно-правовой основой служат Единые карантинные фитосанитарные требования, предъявляемые к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории Евразийского экономического союза (2016)⁹⁰. Для ввоза и перемещения между странами ЕАЭС продукции с высоким фитосанитарным риском требуется обязательное наличие фитосанитарного сертификата.

Второе направление - ветеринарный контроль (животные и продукция животного происхождения) - охватывает широкий спектр живых организмов и продукции животного происхождения (сельскохозяйственные и племенные животные, домашние животные, медоносные пчелы)⁹¹. Установлен особый порядок вывоза с территории ЕАЭС диких живых животных, отдельных дикорастущих растений и лекарственного сырья; редких и исчезающих видов: живых животных и растений, включенных в Красные книги государств - членов ЕАЭС, коллекционных материалов: по минералогии, палеонтологии и костей ископаемых животных.

Третье направление - регулирование перемещения биологического и патологического материала (например, образцов крови или тканей животных для лабораторных исследований) - находится только в стадии развития и согласования правил между странами-участниками. Перемещение живых измененных организмов регулируется общими правилами технического регулирования и маркировки генно-модифицированных организмов (ГМО), и это свидетельствует о недостаточности регулирования.

На уровне Всемирной торговой организации (ВТО), членом которой Российская Федерация является с 2012 г., также не существует отдельного соглашения, которое бы напрямую и комплексно регулировало сферу биологической безопасности. В основе регулирования лежат два ключевых документа: а) по применению санитарных и фитосанитарных мер с тем, чтобы свести к минимуму их негативное воздействие на торговлю (меры по обеспечению биобезопасности не должны быть скрытыми барьерами для торговли и обязаны иметь

⁹⁰ Решение Совета Евразийской экономич. комиссии от 30 ноября 2016 г. № 157 «Об утверждении Единых карантинных фитосанитарных требований, предъявляемых к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории Евразийского экономич. союза». - <https://docs.eaeunion.org>.

⁹¹ Решение Комиссии таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономич. союзе». - <http://www.tsouz.ru>; Решение Коллегии Евразийской экономич. комиссии от 13 февр. 2018 г. № 27 «Об утверждении Единых ветеринарных (ветеринарно-санитарных) требований, предъявляемых к объектам, подлежащим ветеринарному контролю (надзору)». - <https://docs.eaeunion.org/>.

научное обоснование)⁹²; б) по техническим барьерам в торговле⁹³ (требования к упаковке, маркировке (например, знак ГМО), этикетированию не должны создавать излишних препятствий для международной торговли); в) признанные на международном уровне стандарты. Как видим, на уровне ВТО признается право стран вводить ограничения для защиты жизни и здоровья людей, животных и растений, только при соблюдении строгих условий не создавать барьеров для свободной торговли.

Таким образом, анализ состояния обеспечения биологической безопасности и сохранения биоразнообразия на нашей планете показывает, что в целом отсутствует система международного регулирования, которая бы работала с природой, а не против нее.

Картахенский протокол (2000) продолжает выполнять свою основную функцию, обеспечивая юридическую основу для трансграничного перемещения живых измененных организмов, но он не адаптирован к новым технологиям. В Протоколе дано определение понятия «современная биотехнология», что означает применение: а) методов *in vitro* с использованием нуклеиновых кислот, включая дезоксирибонуклеиновую кислоту (ДНК) и прямую инъекцию нуклеиновых кислот в клетки или органеллы (т.е. в пробирке) или б) методов, основанных на слиянии клеток организмов с разным таксономическим статусом, которые позволяют преодолеть естественные физиологические репродуктивные или рекомбинационные барьеры и которые не являются методами, традиционными для выведения и селекции (т.е. в живом организме - *in vivo*). Но технократическая цивилизация продолжает свое опасное развитие. В наше абсурдное время получил развитие метод *in virtual* - виртуальные симуляции генетики, позволяющие понять принципы и методы генетики в иммерсивной и интерактивной среде⁹⁴.

Без всякого сомнения, применение генетических алгоритмов открывает новые горизонты для моделирования экспериментов, разработки гипотез и адаптивного управления процессами, но и слишком велика вероятность того, что опасное технологическое развитие может выйти из-под контроля без надлежащего международного правового регулирования, особенно отношений, связанных с осуществлением трансграничных перемещений организмов.

Рассмотрим биотехнологии, которые входят в так называемую «правовую серую зону», вносят хаос в логику Картахенского протокола, который первоначально был разработан для более ранних форм генетической модификации:

1. Генное редактирование (CRISPR/Cas9) представляет собой мощный инструмент редактирования генома, генетические «ножницы» для максимально точного извлечения и изменения генома CRISPR/Cas, в том числе у человека; позволяет получать организмы, неотличимые от тех, которые были получены естественным или традиционными методами (Нобелевская премия, 2020 г.).

Лица, заинтересованные в скорейшей коммерциализации технологии,

⁹² Соглашение по применению санит. и фитосанит. мер (ВТО, Уругвайский раунд многосторон. торговых переговоров). - Марракеш, 15 апр. 1994 г. (РФ является членом ВТО с 22 авг. 2012 г.) // СПС «Гарант».

⁹³ Соглашение по техническим барьерам в торговле (ВТО, Уругвайский раунд многосторон. торговых переговоров). - Марракеш, 15 апр. 1994 г. // СПС «Гарант».

⁹⁴ Muhamed Elmesery. Top 5 Benefits of Virtual Genetics Labs (Last Updated on May 18, 2025) // Virtual genetics labs: 3D science simulations.

утверждают, что принцип предосторожности (установленный в Картахенском протоколе) парализует общество, не является научным и способствует распространению иррационального страха⁹⁵. Применение этого принципа не должно быть вызвано политическими соображениями, должны иметь место 2 основных условия: 1) угроза риска должна считаться высокой; 2) связанные с этим неопределенности должны носить научный характер (например, молекулярная и генетическая оценка, тест на аллергенность и оценка экологического риска).

Подчеркивается неспособность права и политики развиваться со скоростью, соответствующей технологическому прогрессу («проблема темпа»), и предлагается правовое регулирование в рамках существующих национальных и международных правовых рамок внедрять, например, посредством вторичных механизмов, таких как министерские распоряжения, нормативные руководства или технические приложения (например, как на Филиппинах), а не «дорогостоящих и трудоемких законодательных поправок». То есть можно обойтись подзаконным регулированием, и это при том, что преднамеренный или случайный выпуск в природу организмов с отредактированным геномом может иметь непредсказуемые последствия для экосистем (например, привести к вытеснению естественных видов).

Авторы также рассуждают о потенциальных экономических выгодах от упрощения регулирования отношений по биобезопасности и относят это к веским аргументам в пользу освобождения большинства заявок на генетически модифицированные организмы от регулирования как ГМО. По их оценкам, регулирование генетически модифицированных культур как ГМО может обойтись примерно в 24,5 млн. долл. США и занять до 14 лет, прежде чем они выйдут на рынок. В отличие от этого, если генетически модифицированные культуры рассматривать как культуры, выведенные традиционным способом, затраты снижаются примерно до 10,5 млн. долл. США, а сроки могут сократиться до менее чем 5 лет⁹⁶. Как тут не вспомнить о хрематистике Аристотеля!

2. Генные драйвы (Gene Drives). Это спорная и малоизученная технология, позволяющая внедрять искусственные гены так, чтобы они передавались по наследству не с 50% вероятностью, как это обычно бывает по законам Менделя, а почти со 100%-ной вероятностью.

С помощью инструмента редактирования генома CRISPR/Cas9 ученые «вшивают» нужный ген (например, вызывающий бесплодие) таким образом, что он наследуется в 95-99% случаев. Если выпустить в популяцию всего несколько таких особей, за несколько поколений новая черта может распространиться на весь вид, полностью изменив его или даже искоренив (например, популяцию малярийного комара в масштабах континентов).

Картахенский договор и в этом случае стал местом, где столкнулись принцип предосторожности и технология, которая по определению предназначена для неконтролируемого распространения в дикой природе. Процедура

⁹⁵ Saarani Vengadesen. Rethinking gene-edited crop regulation: advancing a Principle-based framework for modern biotechnology governance / Saarani Vengadesen, Mohammad Firdaus Bin Abdul Aziz, MichaelGK Jones // GM Crops Food. - 2025. - № 16 (1). - Pp. 852-869. - <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/>.

⁹⁶ Saarani Vengadesen. Rethinking gene-edited crop regulation: advancing a Principle-based framework for modern biotechnology governance / Saarani Vengadesen, Mohammad Firdaus Bin Abdul Aziz, MichaelGK Jones // GM Crops Food. - 2025. - № 16 (1). - Pp. 852-869. - <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/>.

предварительного обоснованного согласия принимающей стороны, о которой мы говорили выше, предполагает, что импортер может дать или не дать согласие на ввоз ГМО на свою территорию. Но самораспространяющаяся природа генного драйва делает трансграничное перемещение почти неизбежным, и возмещение трансграничного ущерба от генного драйва становится невозможным.

3. Синтетическая биология. Уже более десяти лет она является предметом острых дискуссий в рамках Конвенции о биологическом разнообразии и Картахенского протокола. Например, Международным комитетом по этике ЮНЕСКО под синтетической биологией понимается зарождающаяся междисциплинарная область науки, которая применяет принципы инженерии к биологии с целью создания организмов или биологических систем с новыми функциями, которые не существуют в природе⁹⁷. Это, видимо, самый сложный вызов для всей системы биобезопасности, и особенно для сферы трансграничного перемещения живых организмов. И самый главный вопрос: подпадают ли организмы, созданные с помощью синтетической биологии с нуля, под определение «живого измененного организма», которое дано в Протоколе?

Сторонники расширительного толкования (многие развивающиеся страны) утверждают, что продукты синтетической биологии полностью соответствуют определению, данному Протоколом, и должны регулироваться Протоколом, поскольку они созданы с помощью современных биотехнологий и несут потенциальные риски для биоразнообразия. Развивающиеся страны настаивают на включении всех продуктов синтетической биологии в сферу действия Протокола и требуют строгих международных правил, прежде чем эти технологии получат широкое распространение. Их главные опасения - потенциальный ущерб биоразнообразию и зависимость от биотехнологий развитых стран.

Противники (в основном развитые страны с мощным биотехнологическим сектором, например, США) настаивают на том, что некоторые технологии, в частности редактирование генома, не приводят к появлению «принципиально новой» комбинации генетического материала и потому не должны подпадать под строгое регулирование Протокола. Они заинтересованы в развитии биотехнологий как драйвера экономики. Производство продуктов питания с использованием технологии SynBio достигло определенного прогресса, начиная с 2020-2030 годов: например, как оптимистично утверждают авторы, продукты, полученные из генно-модифицированных клеток, обеспечивают новый вкусовой опыт для растительных бургеров⁹⁸.

Как мы знаем, в мире существует две позиции в правовом регулировании общественных отношений в сфере биотехнологий: а) установление норм, характеризующих правовой режим конечного продукта вне зависимости от технологического процесса производства этого продукта (США и Канада); б) установление норм, регулирующих технологический процесс и методы производства конечного продукта (Европейский Союз)⁹⁹. Вопрос о примене-

⁹⁷ Нечаева, Е.К. Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект / Е.К. Нечаева, М.В. Некотенева, А.В. Кубышкин. - Lex Russica. - 2025. - № 2.

⁹⁸ Challenges and Opportunities for New Frontiers and Technologies to Guarantee Food Production // José Cleydson Ferreira Silva, Kleiton Lima de Godoy Machado etc. - Sustainability. - 2026. - № 18 (4), 1866. - <https://www.mdpi.com/>.

⁹⁹ Жиганова, Л.П. Особенности подхода к развитию сельскохозяйственной биотехнологии в США и ЕС. [Электронный ресурс] // Л.П. Жиганова. - Россия и Америка в XXI веке. - Электронный ж-л. - 2010. - № 2. - Режим

нии процессного и продуктового подходов к регулированию биотехнологий стал предметом дискуссий во всем мире. Процессный подход фокусируется на технологии или процессе, применяемом для разработки конечного продукта, а продуктовый подход оценивает организм на основе характеристик конечного продукта: обладает ли он новым свойством, независимо от метода его получения, потому что продукты, полученные с помощью генных методов, могут быть неотличимы от продуктов, полученных с помощью традиционной селекции.

Некоторые исследователи отмечают практическую несостоятельность модели, основанной на процессе, так как регулирующие органы должны постоянно оценивать, подпадает ли каждая новая методика под действие существующих законов, что часто требует дорогостоящих и трудоемких законодательных поправок¹⁰⁰. Но ведь на кону - экологические права человека на технологии, работающие с природой, а не против природы! На наш взгляд, биотехнологию следует рассматривать как технологический процесс, но не как совокупность объектов, с тем, чтобы можно было установить обязательные требования к безопасности не только биотехнологических продуктов, но и к самому процессу их создания¹⁰¹.

Таким образом, несмотря на технологический прогресс, правовое регулирование отношений по трансграничному перемещению живых организмов на международном уровне находится в стадии формирования, а неопределенность регулирования остается главным вызовом для всех государств. Мир разделился на сторонников принципа предосторожности, установленного в Картахенском протоколе, и на тех, кто рассматривает принцип предосторожности как политический, а не научный инструмент, используемый для блокирования внедрения и коммерциализации биотехнологий, для обоснования ограничений. Мир разделился на сторонников установления обязательных требований к безопасности каждого процесса, воздействующего на природу, и на сторонников гибких подходов, настаивающих на менее строгом регулировании для продуктов редактирования генома и считающих, что это будет способствовать инновациям и спасению человечества от надвигающегося голода. В какую сторону качнется чаша весов? Значительное влияние на это должны оказать этика и мораль: к счастью, если имеет место скачок технологий, обязательно должен состояться скачок этики, культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жиганова, Л.П. Особенности подхода к развитию сельскохозяйственной биотехнологии в США и ЕС. [Электронный ресурс] // Л.П. Жиганова. - Россия и Америка в XXI веке // Электронный ж-л. - 2010. - № 2 // Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=205>.

2. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.). Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 4 июля 1995 г. // Бюллетень междунар. договоров. - 1996. - № 9. - С. 3.

доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=205>.

¹⁰⁰ Saarani Vengadesen. Rethinking gene-edited crop regulation: advancing a Principle-based framework for modern biotechnology governance/ Saarani Vengadesen, Mohammad Firdaus Bin Abdul Aziz, MichaelGK Jones // GM Crops Food. - 2025. - № 16 (1). - Pp. 852-869. - <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/>.

¹⁰¹ Салиева, Р.Н. Проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере биотехнологий / Р.Н. Салиева, З.М. Фаткудинов // Право и экономика. - 2015. - № 6.

3. Нечаева, Е.К. Развитие правового регулирования синтетической биологии: интеграционно-правовой аспект / Е.К. Нечаева, М.В. Некотенева, А.В. Кубышкин. - Lex Russica. – 2025. - № 2.

4. Решение Комиссии таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономич. союзе». - <http://www.tsouz.ru>; Решение Коллегии Евразийской экономич. комиссии от 13 февр. 2018 г. № 27 «Об утверждении Единых ветеринарных (ветеринарно-санитарных) требований, предъявляемых к объектам, подлежащим ветеринарному контролю (надзору)». - <https://docs.eaeunion.org/>.

5. Решение Совета Евразийской экономич. комиссии от 30 ноября 2016 г. № 157 «Об утверждении Единых карантинных фитосанитарных требований, предъявляемых к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории Евразийского экономического союза». - <https://docs.eaeunion.org>.

6. Салиева, Р.Н. Проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере биотехнологий / Р.Н. Салиева, З.М. Фаткудинов // Право и экономика. - 2015. - № 6.

7. Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (ВТО, Уругвайский раунд многосторон. торговых переговоров). - Марракеш, 15 апр. 1994 г. (РФ является членом ВТО с 22 авг. 2012 г.). - СПС «Гарант».

8. Соглашение по техническим барьерам в торговле (ВТО, Уругвайский раунд многосторон. торговых переговоров). - Марракеш, 15 апр. 1994 г.) // СПС «Гарант».

9. Статус Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции по биологич. разнообразию. - Монреаль, 29.01.2000 г. (США и Россия не участвуют) (по состоянию на 12.08.2025 г.). - base.garant.ru.

10. Федеральный закон от 30 дек. 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». - <http://pravo.gov.ru/>.

11. Challenges and Opportunities for New Frontiers and Technologies to Guarantee Food Production // José Cleydson Ferreira Silva, Kleiton Lima de Godoy Machado etc. - Sustainability. - 2026. - № 18 (4), 1866. - <https://www.mdpi.com/>.

12. Muhamed Elmesery. Top 5 Benefits of Virtual Genetics Labs (Last Updated on May 18, 2025) // Virtual genetics labs: 3D science simulations.

13. Saarani Vengadesen. Rethinking gene-edited crop regulation: advancing a Principle-based framework for modern biotechnology governance / Saarani Vengadesen, Mohammad Firdaus Bin Abdul Aziz, MichaelGK Jones // GM Crops Food. - 2025. - № 16 (1). - Pp. 852-869. - <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/>.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Гаранина И.Г.¹⁰²

Аннотация. В статье автором дается анализ международно-правовых документов в сфере прав человека относительно имплементации международно-правовых стандартов репродуктивного здоровья и репродуктивных прав человека в рамках Организации Объединенных Наций (далее - ООН). Автором подчеркивается, что репродуктивное здоровье и репродуктивные права человека своей основой имеют основные права человека, а также делается акцент на важности их дальнейшего развития. В статье автор приводит международно-правовые стандарты, разработанные органами ООН, касающиеся охраны здоровья матери, права на доступ к средствам контрацепции, комплексного полового воспитания, а также выявляет пробелы в международно-правовых документах по вопросам использования вспомогательных репродуктивных технологий.

Ключевые слова: право на репродуктивное здоровье, репродуктивные права человека, право на охрану здоровья, вспомогательные репродуктивные технологии, не дискриминация.

Abstract. In this article, the author analyzes international legal instruments in the area of human rights and discusses the implementation of international legal standards on reproductive health and reproductive rights within the United Nations (hereinafter - the UN). The author emphasizes that reproductive health and reproductive rights are rooted in fundamental human rights and emphasizes the importance of their further development. In this article, the author cites international legal standards developed by UN bodies regarding maternal health protection, the right to access contraception, and comprehensive sex education, and identifies gaps in international legal instruments on the use of assisted reproductive technologies.

Keywords: the right to reproductive health, human reproductive rights, the right to health care, assisted reproductive technologies, non-discrimination.

Международная конференция по народонаселению и развитию 1994 г.¹⁰³ стала переломным моментом, включив сексуальное и репродуктивное здоровье и права в мировую повестку. В 1995 г. была принята Пекинская платформа действий¹⁰⁴, на которой государства объединились и согласились с важностью репродуктивных прав человека для гендерного равенства и выступили за всеобщий доступ к всесторонней медицинской помощи, за безопасное материнство и автономию в выборе репродуктивных прав, свободную от дискриминации,

¹⁰² Гаранина Инна Геннадьевна - канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный ун-т юстиции (РПА Минюста России)». - ilneza@mail.ru.

¹⁰³ <https://www.un.org/ru/conferences/population/cairo1994>. [Электронный ресурс] (дата доступа: 01.06.2026).

¹⁰⁴ Пекинская декларация. Принята IV Всемирной конф. по положению женщин. - Пекин, 4-15 сент. 1995 г. - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml. [Электронный ресурс] (дата доступа: 01.06.2026).

принуждения и насилия.

С конца 90-х годов прошлого столетия был достигнут значительный прогресс в интеграции репродуктивного здоровья в международное право прав человека¹⁰⁵.

За последние три десятилетия можно отметить значительный успех в обеспечении гендерного равенства и прав в сфере репродуктивного здоровья. Однако сохраняются и серьезные проблемы. Всемирная организация здравоохранения (далее - ВОЗ) опубликовала результаты исследования, проведенного в 2023 г., где указала, что более 500 женщин ежедневно умирают от причин, связанных с беременностью и родами; около 92% таких смертей приходится на страны с низким уровнем материального дохода.

Право на репродуктивное здоровье закрепляется в международных договорах и признается фундаментальным правом человека. Право на репродуктивное здоровье включает международно-правовые акты, устанавливающие право человека на жизнь, право на охрану здоровья, право на неприкосновенность частной и семейной жизни, равенство, право на создание семьи, право на информацию и право на образование.

Права на репродуктивное здоровье включает в себя такие права человека, как право на получение медицинской помощи как в государственных, так и в частных медицинских учреждениях, а также социальные права человека. Репродуктивные права человека устанавливают и право людей на свободный и осознанный выбор в отношении своего тела без принуждения, дискриминации или насилия¹⁰⁶.

Отметим, что право на охрану здоровья матери относится к правам человека, в частности, и на охрану здоровья во время беременности, родов и послеродового периода.

Международное право прав человека признает, что доступ к качественной медицинской помощи является правом, напрямую вытекающим из права каждого человека на жизнь, права на охрану здоровья и не дискриминацию.

Право на охрану здоровья матери включает в себя доступ к репродуктивным услугам без дискриминации, принуждения и насилия.

В этой связи государства должны принять на себя обязательства:

- разрабатывать нормативно-правовые документы для обеспечения здоровья и благополучия женщин на протяжении всей беременности, родов и послеродового периода;
- устранять и исправлять правовые барьеры для доступа к услугам в области репродуктивного здоровья, в том числе посредством предоставления всеобщего медицинского страхования, предоставления бесплатных медицинских услуг, где это необходимо и кому необходимо;
- обеспечить доступность медицинских услуг для женщин (например, гарантируя, что эти услуги предоставляются уважительно и конфиденциально, с учетом потребностей и взглядов женщины);

¹⁰⁵ Репродуктивные права: правоотношения, регулирование, защита: Монография. - М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. - 181 с.

¹⁰⁶ Репродуктивные права: правоотношения, регулирование, защита: Монография. - М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. - 181 с.

- обеспечить доступ к основным медицинским услугам в области охраны материнского здоровья независимо от географического расположения;
- признать приоритет жизни и здоровья женщины;
- принимать меры по сокращению материнской смертности, в том числе обеспечивая доступ к квалифицированной медицинской помощи при родах, дородовому уходу и неотложной акушерской помощи;
- устранить нарушения права каждого человека на информированное согласие.

Доступ к информации и медицинским услугам по контрацепции позволяет каждому человеку сохранить свое репродуктивное здоровье. Информация и услуги по контрацепции важны для предотвращения нежелательных беременностей, в том числе в результате сексуального насилия, и для предотвращения распространения инфекций, передающихся половым путем, включая ВИЧ.

Подростки и молодые женщины сталкиваются с особыми препятствиями в доступе к контрацептивам и медицинским услугам, что увеличивает риск незапланированной беременности и ее последствий. Осложнения беременности и небезопасные аборты являются основными причинами смерти среди девушек в возрасте 15-19 лет. Молодым мужчинам также необходима информация, чтобы они могли взять на себя ответственность и стать партнерами в предотвращении незапланированных беременностей.

Органы ООН по правам человека рассматривают отсутствие доступа к современным средствам контрацепции как обстоятельство, затрагивающее многочисленные права человека, включая право на жизнь, право на здоровье, на не дискриминацию, репродуктивные права, а в некоторых случаях - право на свободу от пыток и других видов жестокого обращения¹⁰⁷.

Мы полагаем, что в этой сфере репродуктивных прав человека государства обязаны:

- обеспечить полный спектр качественных современных средств контрацепции;
- обеспечить доступ к лекарственным препаратам, включенным в Типовой перечень основных лекарственных средств ВОЗ, в который входят гормональные контрацептивы и средства экстренной контрацепции;
- обеспечить доступ к экстренной контрацепции для лиц, ставших жертвами изнасилования или других форм сексуального насилия;
- устранить ограничения на пути к получению информации и услугам в области контрацепции.

Необходимо обеспечить, чтобы использование контрацептивов было добровольным, полностью информированным и без принуждения или дискриминации. Следует уделять должное внимание группам, которые исторически подвергались принудительным методам планирования семьи, включая принудительную стерилизацию. Это включает, например, людей с инвалидностью, женщин из числа коренного населения, бедных женщин и женщин, живущих с ВИЧ.

Комплексное половое воспитание определяется как основанный на учебной

¹⁰⁷ Гаранина, И.Г. К вопросу о дискуссионных аспектах определения репродуктивных прав в современном мире // Гуманитарные и политико-правовые исслед. - 2024. - № 4 (27). - С. 6-12.

программе процесс обучения эмоциональным, физическим и социальным аспектам сексуальности. Цель такого воспитания – дать детям и молодежи знания, навыки, установки и ценности, которые позволят им развивать уважительные отношения и осознавать свое здоровье, благополучие и достоинство. Это включает в себя понимание своего тела, сексуального и репродуктивного здоровья, а также понимание прав и свобод человека.

В соответствии с правом на охрану здоровья, правом на получение информации, правом на образование и свободу от дискриминации государства несут следующие обязательства в отношении реализации полового воспитания:

- предоставлять комплексное половое воспитание, которое является инклюзивным, беспристрастным, научно точным, соответствует правам человека и возрасту;

- оно должно включать знания о теле, включая анатомические, физиологические и эмоциональные аспекты. Следует уделять внимание гендерному равенству, ответственному родительству, а также вопросам предотвращения насилия;

- обеспечить недискриминационный характер учебной программы, в том числе по признакам пола и инвалидности, как в содержании, так и в методиках преподавания;

- гарантировать, что учебные материалы не увековечивают нетрадиционные ценности;

- обеспечить, чтобы информация соответствовала возрасту и уровню образования детей, была понятной и доступной, в том числе для учащихся с инвалидностью.

К принципам прав человека относят не дискриминацию, подотчетность, равенство, участие и право на охрану здоровья. Они остаются применимыми и являются международно-правовыми обязательствами государств по всем вопросам репродуктивного здоровья, включая ВРТ и бесплодие. Разработка международно-правовых стандартов в области прав человека в этих областях могла бы предоставить государствам важнейшие указания о том, как выполнять свои обязательства и обеспечивать возможность каждому человеку осуществлять свои права¹⁰⁸.

Для многих людей и пар существует проблема между желаемой и фактической фертильностью, что подразумевает ограничения в возможности людей реализовать свои репродуктивные права по различным причинам, включая бесплодие.

Государства несут ответственность, основанную на правах человека, за решение проблемы бесплодия, которая включает в себя не только обеспечение доступа к безопасному, доступному и качественному лечению, включая вспомогательные репродуктивные технологии, но и активное предотвращение бесплодия путем устранения его причин.

В 2023-2024 годах Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее - УВКБ ООН) опубликовало работу, в которой изложены ключевые моменты понимания проблемы бесплодия, основанные на имплементации прав человека. К ним относятся выявление законов и практик, которые неадекватно

¹⁰⁸ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебное пос. / Под ред. Л.Х. Мингазова. - М.: Проспект, 2023. - С. 234-235.

решают проблему бесплодия (например, путем ограничения вариантов лечения и доступа к нему для определенной категории пар).

Нельзя не согласиться, что для решения выделенной проблемы необходимо включить в международно-правовые стандарты для государств следующие обязательства:

- включить вспомогательные репродуктивные технологии (далее - ВРТ) в услуги по охране репродуктивного здоровья;
- обеспечить равный доступ к современным научным технологиям, включая ВРТ, на основе не дискриминации и равенства.

Суррогатное материнство как метод создания семьи и способ решения проблемы бесплодия может включать в себя репродуктивные технологии и затрагивает права многих заинтересованных сторон. К современным стандартам в области прав человека относятся:

- защита прав ребенка, что включает в себя право на гражданство биологических родителей и учет наилучших интересов ребенка;
- защита прав суррогатной матери: обеспечение защиты суррогатных матерей от эксплуатации, принуждения и насилия и др.;
- создание четких правовых рамок, регулирующих суррогатное материнство таким образом, чтобы защищать права всех участников.

Конвенционные органы в XXI веке продолжают свою работу по разработке международно-правовых стандартов по вопросам реализации репродуктивных прав человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаранина, И.Г. К вопросу о дискуссионных аспектах определения репродуктивных прав в современном мире // Гуманит. и политико-правовые исслед. - 2024. - № 4 (27). - С. 6-12.
2. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебное пос. / Под ред. Л.Х. Мингазова. - М.: Проспект, 2023. - 818 с.
3. Междунар. конференция по народонаселению и развитию 1994 г. - <https://www.un.org/ru/conferences/population/cairo1994>. [Электронный ресурс] (дата доступа: 01.06.2026).
4. Пекинская декларация. Принята IV Всемирной конф. по положению женщин. - Пекин, 4-15 сент. 1995 г. - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml. [Электронный ресурс] (дата доступа: 01.06.2026).
5. Репродуктивные права: правоотношения, регулирование, защита: Монография. - М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. - 181 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА РУБЕЖОМ

Губушкин П.А.¹⁰⁹

Аннотация. В исследовании автором анализируется практика современной юридической защиты граждан России, находящихся за границей, на примере одних из самых известных и актуальных уголовных дел на сегодняшний день. Исследуются механизмы оказания правовой поддержки в условиях кризиса работоспособности международно-правовых структур по защите прав человека, оценивается применимость Права международной ответственности государств, а также эффективность методов достижения положительного результата в процессе защиты.

Ключевые слова: международное право, консульская защита, дипломатия, права человека, юридическая защита, политическое преследование.

Abstract. This study analyzes the current practices of legal protection for Russian citizens abroad, using some of the most prominent and relevant criminal cases of today as examples. The author examines the mechanisms for providing legal support in the context of a crisis in the functionality of international legal structures for human rights protection, assesses the applicability of the Law of State Responsibility in international law, and evaluates the effectiveness of the methods used to achieve a positive outcome in the defense process.

Keywords: International law, consular protection, diplomacy, human rights, legal protection, and political persecution.

Сегодня крайне остро стоит вопрос о защите прав граждан России, находящихся за границей. Если рассматривать отдельные случаи нарушения прав граждан России за рубежом, мы можем видеть, что не имеет значения, с какой целью осуществляется визит в другие страны, – под удар попадают как те, чья трудовая деятельность связана с путешествиями, так и обычные туристы. В условиях высокой конфликтности, применения санкций и практики политически-мотивированного преследования и дискриминации мы всё чаще наблюдаем откровенно нахальные попытки подрыва авторитета установленных норм международного права, попытки покушения на свободу и имущество граждан России, пребывающих за границей. Основываются подобные действия неподтвержденными доводами и обвинениями, специфическим толкованием международно-правовых норм и попытками прикрыться внутренним законодательством, а также нежеланием вести конструктивный диалог в международно-правовом поле деятельности, препятствующей работе специалистов дипломатических и консульских учреждений, что является очевидным нарушением Венских конвенций, а также иных многосторонних и двусторонних договоренностей.

Прежде всего, чтобы определить взаимодействие правовых механизмов

¹⁰⁹ Губушкин Павел Андреевич - аспирант юрид. факультета УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань.

в сфере юридической защиты граждан за рубежом, рассмотрим, какие международно-правовые и внутригосударственные нормы существуют в этой сфере.

Защита прав и законных интересов граждан РФ за пределами юрисдикции Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый правовой институт, функционирующий на стыке международного публичного права, консульского права, национального законодательства РФ и правовой системы страны пребывания. Всякое лицо, становящееся участником международных отношений, входит в зону действия различных правовых систем, однако существуют единые принципы обеспечения защиты прав человека и гражданина, признанные международным сообществом, в совокупности – Международное право прав человека, основой которого является Хартия о правах человека ООН, состоящая из трех универсальных международных документов: Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966). Данные документы лежат в основе международных конвенций, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). Следует остановиться здесь подробнее и дать оценку влиянию Совета Европы и Европейского суда по правам человека¹¹⁰.

Ориентирование на Европейскую правовую систему было значимым направлением в развитии постсоветской России в правовом поле и обуславливало сближение не только правовых, но и политико-гражданских конструктов. Отличительной чертой действия Конвенции была работа ЕСПЧ, под юрисдикцию которого попадали все государства, ратифицировавшие ЕКПЧ и Протоколы к ней. Российские граждане могли подавать иски в данный суд против государств (включая Россию), если была такая необходимость. Это был один из факторов, которые сами по себе оказывали положительное влияние на уверенность путешествующих граждан в определенных ситуациях. Несмотря на то, что это не относится прямым образом к исследуемому нами предмету, следует отметить, что ситуация, возникшая в 2022 г., оказывает влияние на защиту российских граждан, так как вызывает недосказанности.

Российская Федерация входила в Совет Европы на протяжении 26 лет. За время активной совместной работы с Советом Европы были сформированы достаточно продуктивные отношения, однако, когда большинство Европейских стран объединилось против России, все сотрудничество свелось к одностороннему обвинению со стороны коллективного Запада. Это стало решающим аргументом для России за выход из Совета Европы и за денонсацию ЕКПЧ, произошедшие под дискриминационным давлением. Данный этап подразумевает, что юрисдикция суда больше не распространяется на Россию и новые иски по этому направлению не будут приняты к работе. Однако эти события породили стойкое мнение о том, что российские граждане в принципе не могут обращаться в ЕСПЧ. Обращаясь к положениям ЕКПЧ и Протоколов, а также анализируя заявления официальных лиц, мы приходим к выводу, что данное мнение является ошибочным. Как

¹¹⁰ Мезяев, А.Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Инст. законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. - М., 2013.

заявляет представитель МИД России Григорий Лукьянцев, граждане России по-прежнему могут подать иск в ЕСПЧ, если их права были нарушены за рубежом, это же касается и имущественных споров. Тем не менее, мы можем выделить данную проблему как один из факторов, оказывающих влияние на современную практику защиты российских граждан за рубежом. К примеру, формирование ошибочного мнения влияет на действия граждан, что может приводить к ошибкам в ситуациях, которые требуют правосубъектной активности (особенно под влиянием факторов индивидуальной субъективности)¹¹¹.

Помимо универсальных норм международного права и многосторонних (в том числе отраслевых) конвенций, существуют двусторонние соглашения, которые могут включать в себя упрощенные визовые режимы, трудовые программы по взаимному обмену и иные виды двустороннего сотрудничества, что также открывает больше возможностей для деятельности консульских и иных органов, занимающихся поддержкой граждан на территории страны временного пребывания, а также соотечественникам, проживающим за рубежом.

Рассмотрим, какие аспекты внутреннего законодательства РФ регулируют деятельность, направленную на правовую защиту граждан за рубежом.

В первую очередь, отметим, что обязанность России защищать граждан на территории страны и за ее пределами прописана в ч. 2 ст. 61 Конституции РФ. Статья 4 Федерального закона от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» обязывает дипломатические представительства и консульские учреждения РФ обеспечивать меры по защите граждан РФ и оказывать им покровительство в соответствии с российским законодательством и в рамках международных договоров Российской Федерации. В ст. 1 данного Закона указано, что международный договор имеет приоритет, но с оговоркой о том, что международные инстанции не могут принимать решения на основании международных договоров РФ, если они противоречат Конституции РФ. Таким образом, Конституция России является гарантом оказания помощи гражданам России за рубежом, ее приоритет находится выше международных договоров.

Федеральный закон от 05.07.2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» является основным внутригосударственным актом, детально регламентирующим такие консульские функции, как учет граждан, находящихся в консульском округе, выдача и возобновление паспортных документов, содействие в реализации избирательных прав, защита прав и законных интересов граждан, подвергшихся задержанию, аресту или заключению под стражу, оказание содействия в получении юридической помощи, совершение нотариальных действий, меры по опеке и попечительству, содействие в репатриации¹¹².

Теперь рассмотрим, какие механизмы защиты применяются на практике:

1. При задержании гражданина РФ консул имеет право посещать его, общаться с ним и нанимать для него адвоката. Невозможность реализовать такие

¹¹¹ Мхитарян, А.С. Угрозы международному праву XXI века // Вестник Прикамского социального инст. - 2022. - № 1 (91). - С. 63-70.

¹¹² Гриб, В.В. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне / В.В. Гриб // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - № 1 (41). - С. 48-57.

требования является нарушением международного права со стороны государства пребывания. Отметим, что на сегодняшний день данный тип нарушений является очень распространённой провокацией со стороны недружественных государств.

2. В отношении консульской вализы и корреспонденции действует иммунитет, защищающий их от вскрытия и разглашения. Препятствие доставке консульской почты является нарушением международного права.

3. На основании международных договоров и принципа взаимности консульство вправе требовать от властей страны пребывания предоставления гражданину РФ того же объема прав и свобод, которым пользуются собственные граждане этого государства (национальный режим), за исключением изъятий, прямо установленных законом. Такой механизм основывается на принципе национального режима.

4. В случаях, когда права граждан России за рубежом систематически или грубо нарушаются, а консульская защита больше не имеет возможности для реализации или попросту исчерпана, появляется основание для начала работы по линии дипломатической защиты. Поводом для этого является также отказ в справедливом правосудии. В отличие от консульств, дипломатические миссии обладают полной экстерриториальностью, а консульства попадают под юрисдикцию принимающей страны, хотя помещения также пользуются неприкосновенностью в соответствии с Венской конвенцией 1963 г.

Таким образом, юридическая защита граждан РФ за рубежом представляет собой синтез превентивных, оперативных и правозащитных мер, инициируемых консульскими учреждениями и дипломатическими представительствами. Ее эффективность детерминирована как плотностью договорно-правовой базы между РФ и конкретной страной, так и способностью российских властей использовать весь арсенал международно-правовых инструментов – от консульского посещения до заявления о дипломатической защите на межгосударственном уровне, апеллируя к таким фундаментальным конструкциям, как суверенное право государства на защиту своих граждан и международные стандарты в области прав человека, которые отражены в Конституции РФ¹¹³.

Переходим к рассмотрению современных проблем и угроз в сфере юридической защиты прав граждан России. Как было отмечено ранее, на фоне проведения СВО в недружественных странах отмечается разгул русофобии на государственном уровне, что выливается в поощрение дискриминации, насилия, разжигания ненависти.

В 2022 г. на заседании Шестого комитета Генассамблеи ООН представитель России сообщил, что с 15 декабря 2020 г. по май 2022 г. зафиксировано свыше 150 случаев неправомерных актов, посягающих на неприкосновенность российских дипломатических и консульских представительств в иностранных государствах. На сегодняшний день, анализируя новостные источники, мы приходим к выводу, что ситуация не меняется к лучшему, а только ухудшается, подрывая работу российских дипломатов. Так, например, страны Евросоюза в нарушение

¹¹³ Святогорова, А.Э. Понятие и содержание механизма государственно-правовой защиты конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации / А.Э. Святогорова, С.В. Осаулюк // Органы гос. власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: Сб. науч. тр. VIII Национ. науч.-практ. конф. - СПб., 2025. - С. 571-581.

практики дипломатического сотрудничества ввели санкции в отношении свободного передвижения российских дипломатов в рамках Шенгена. Теперь для передвижения необходимо подавать ноту с указанием всех данных о маршруте и времени пребывания. Немаловажным фактором, подрывающим работу миссий, является массовая высылка дипломатов¹¹⁴.

Теоретический анализ законодательной базы и потенциальных рисков требует верификации на основе эмпирического материала. Рассмотрим некоторые из самых громких и актуальных примеров.

Одним из самых громких дел за последнее время является на шумевшая череда задержаний россиян летом 2025 г. в Азербайджане, ведущих различную деятельность: от сферы It-разработок до официальной журналистики. Также среди задержанных оказались и туристы. Уголовные дела были возбуждены по таким статьям, как мошенничество, наркотрафик, IT-преступления, незаконное предпринимательство. Однако учитывая показательный характер задержаний, включающий в себя активную работу азербайджанских СМИ, нанесение и демонстрацию телесных повреждений задержанным, а также отмену мероприятий культурного сотрудничества, эти действия очевидно выглядят как ответ на задержание граждан России азербайджанского происхождения в Екатеринбурге, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Сотрудникам Sputnik-Азербайджан были выдвинуты обвинения в сотрудничестве со спецслужбами РФ.

Рассмотрим, каким образом проводилась защита российских граждан и с какими трудностями столкнулись. Для задержанных была избрана мера пресечения в виде ареста сроком на 4 месяца. Адвокат редактора информагентства Sputnik подал апелляцию об изменении меры пресечения на домашний арест, но она была отклонена. Также, со слов родителей некоторых из задержанных, местные адвокаты отказались защищать россиян по политическим мотивам.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией, нормами международного права и двусторонними соглашениями с Азербайджаном запросила допуск консульских работников к задержанным уже в день задержания, а также ходатайствовала о проведении медицинских процедур и о выяснении состояния здоровья задержанных. Положительный ответ последовал только спустя 3 дня после запроса. Были назначены адвокаты, началось судебное расследование. Ход следствия находился под пристальным вниманием посольства России, защита граждан включала в себя переговоры помощников глав государств об освобождении задержанных. Решающим фактором в достижении прогресса в переговорах стало сотрудничество на высшем уровне. 9 октября прошла встреча глав государств, в ходе которой было принято решение о замене меры пресечения и выпуске из-под стражи одного гражданина России в Азербайджане и одного гражданина Азербайджана в России. Остальные задержанные остаются под стражей, срок их ареста истекает 1 ноября. Тем не менее, мы можем видеть положительную динамику в отношениях и предположить, что справедливое решение может быть в будущем найдено в отношении всех задержанных граждан.

Так как задержания российских граждан являются следствием возникших

¹¹⁴ Мхитарян, А.С. Угрозы международному праву XXI века // Вестник Прикамского социального инст. - 2022. - № 1 (91). - С. 63-70.

политических разногласий, решение проблемы кроется, как бы то ни было, в диалоге на высшем уровне. На этом примере мы можем видеть, что в любой ситуации есть возможность для того, чтобы посредством дипломатии выйти из тупикового положения и найти компромиссы даже в ситуациях, которые кажутся конфликтами с нулевой суммой. Подобная практика диалога с бывшими союзными республиками может рассматриваться в качестве международно-правового обычая. Охлаждение отношений, напротив, является риском нарушения этого обычая и вызовом для юридической защиты граждан России за рубежом.

Мы рассмотрели пример с исторически близким России государством, но в случаях с недружественно настроенными западными режимами договариваться крайне трудно. Контакты на высшем уровне прекращены, исторической ценности у отношений нет, а власть во многих из них подкрепляется русофобской политикой. Ведется прокси-военная кампания против России. Как защищаются интересы россиян в странах с недружественным режимом?

На сегодняшний день на территории Соединенных Штатов Америки в заключении находится множество российских граждан, которые нуждаются в защите и при определенных обстоятельствах могут быть возвращены на Родину. Президент РФ В.В. Путин в своем знаменитом интервью американскому журналисту Такеру Карлсону в феврале 2024 г. отмечал практику преследования российских граждан в третьих странах и последующей экстрадиции их в США, указывая на грубое нарушение международного права. В июне 2024 г. МИД России опубликовал доклад, в котором указывалось на то, что с 2008 г. по запросу США россияне были арестованы в Германии, Грузии, Израиле, Испании, Италии, Латвии, Литве, Нидерландах, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Южной Корее, Чехии, Доминиканской Республике, Либерии, Греции. Порой задержания проводились в обход национального законодательства этих государств. Начиная с 2020 г. по меньшей мере четверо россиян были экстрадированы в США подобным образом. Главной причиной задержаний считается политическая мотивация.

Работа над защитой прав этих и других граждан России ведется по дипломатическим каналам. Иногда удается достичь успеха, как в случае с Виктором Бутом, гражданином России, бывшим заключенным в США по статье о торговле оружием. Акт обмена Виктора Бута на Бритни Гринер, осуществленный 8 декабря 2022 г. в Абу-Даби (ОАЭ), квалифицируется в доктрине международного права как исполнительное соглашение между государствами, реализованное в форме одновременного акта помилования (*clemency power*)¹¹⁵.

Рассмотрим, какими нормативно-правовыми актами в национальных законодательствах государств обусловлено данное дело:

- В законодательстве Российской Федерации основанием для освобождения Бритни Гринер является право помилования, отнесенное пунктом «в» ст. 89 Конституции РФ к ведению Президента Российской Федерации. Данное полномочие реализуется в порядке, установленном Уголовно-исполнительным кодексом РФ (глава 13). Указ Президента РФ о помиловании Гринер является окончательным и не подлежит обжалованию.

- В законодательстве США основанием для освобождения Виктора

¹¹⁵ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Э.Р. Адамова [и др.]. - М.: ООО «Перспектива», 2023. - 848 с.

Бута послужила конституционная prerogative Президента США. Пункт 1 ст. 2, (раздел 2) Конституции США гласит: «Президент имеет право даровать отсрочки исполнения приговоров, а также помилования за преступления против Соединенных Штатов». Данный акт является суверенным правом главы исполнительной власти и не требует ратификации Сенатом или одобрения судебных органов. Администрация Джозефа Байдена оформила освобождение Бута именно как акт помилования.

Прямого универсального международного договора, регламентирующего обмен заключенными, не существует. Однако такие акты не противоречат основным принципам международного права, если они не нарушают императивные нормы. Косвенной правовой основой можно считать принцип суверенного равенства государств и их право на поддержание дипломатических сношений (ст. 2 Устава ООН).

Мы видим, что в национальном праве России и в национальном праве США есть точки соприкосновения для решения подобных вопросов. Долгая работа по линии дипломатических служб и подходящее время для принятия подобного решения стали ключевыми факторами решения данной задачи по защите прав российского гражданина и возвращению его на Родину. Использование территории Объединенных Арабских Эмиратов в качестве нейтральной площадки для обмена соответствует дипломатической практике. ОАЭ действовали в качестве депозитария и гаранта процедуры, что не требует специального международного договора, а основывается на двусторонних консультациях и согласии всех участвующих сторон.

Подводя итоги проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам:

- Актуальная ситуация в мире остается напряженной, что сказывается на возможности защищать граждан России за рубежом, полагаясь на международно-правовые нормы. Санкции, сокращающие число персонала российских дипломатических и консульских учреждений за рубежом, препятствие выполнению оставшимися сотрудниками своих трудовых обязанностей, политически мотивированные преследования граждан, дискриминация и русофобия вызывают не только политическую эскалацию, но и кризис института права и дипломатической практики.

- Граждане России, выезжающие за границу, должны быть готовы к тому, что принимающее государство может создать для них ловушку политически мотивированного заключения с целью давления на Российскую Федерацию. В подобных обстоятельствах даже успешная правозащитная деятельность дипломатических и консульских представительств не возместит возможных лишений и урона. Тем не менее, специальные российские органы безукоризненно выполняют возложенные на них задачи по защите прав российских граждан за рубежом, закрепленные в Конституции России и иных федеральных законах.

- Кризис международного права в области защиты прав человека заметен на региональном и глобальном уровнях. Так, например, используются правовые механизмы в рамках ЕСПЧ для политического давления на Россию, что приводит к еще большей дискриминации российских граждан и демонизации

российского режима в общественном сознании. Мы видим, что сегодня заключить под стражу могут кого угодно, а если это гражданин России, то такое заключение укладывается в идейную борьбу, что вынуждает международные правовые структуры бездействовать там, где они должны работать по запросу пострадавшей стороны. В таких условиях на российских дипломатов ложится еще большая ответственность, ведь им приходится отстаивать не только права российских граждан, но и общеобязательность норм права в целом.

- В условиях ухудшения межрегионального и глобального сотрудничества, а также продолжающегося конфликта ответственность за неправомерные политические задержания и преследования государствами кажется невозможной. Однако в дипломатической практике стороны часто взаимно обвиняют друг друга в совершении противоправных актов, что и служит политико-правовым обоснованием для урегулирования «инцидента» путем обмена.

- Основным инструментом реализации юридической защиты российских граждан за рубежом на сегодняшний день является дипломатия на высоком и высшем уровнях. Поиск компромиссов и точек соприкосновения в правовых системах, контроль за ситуацией и применение различных методов дипломатии, адвокатская деятельность, а также демонстрация конструктивного подхода в конфликтных ситуациях являются несомненной чертой и выражением профессионализма государственных служащих Российской Федерации и иных профессионалов юридической сферы, занимающихся защитой граждан Российской Федерации, попавших в трудные ситуации.

Светлой памяти профессора Мезяева Александра Борисовича – моего научного руководителя в период с 2024 по 2025 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международное право: Учебник для аспирантов / А.Х. Абашидзе, П.А. Банис, А.К. Бисултанов [и др.]. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Российск. ун-т дружбы народов (РУДН), 2022. - 431 с.
2. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юрид. и ист. аспекты): Учебное пос. / Г.В. Игнатенко, В.Д. Перевалов [и др.]. - 1-е изд. - М.: Юрайт, 2020.
3. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Э.Р. Адамова [и др.]. - М.: ООО «Проспект», 2023. - 848 с.
4. Судебная власть в системе защиты прав личности и государства: Монография / Е.В. Михайлова, С.Ю. Чуча, А.А. Соловьев [и др.]. - М.: Инст. государства и права РАН, 2024.
5. Гриб, В.В. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне / В.В. Гриб // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - № 1 (41). - С. 48-57.
6. Мезяев, А.Б. Права обвиняемого в современном междунар. уголовном процессе (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Инст. законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. - М., 2013.
7. Мезяев, А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современ-

ном междунар. уголовном процессе // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. - 2010. - № 4. - С. 14-17.

8. Мезяев А.Б. Презумпция невиновности во внутригосуд. и междунар. праве // Вестник «ТИСБИ». - 2012. - № 3. - С. 116-125.

9. Мхитарян, А.С. Угрозы междунар. праву XXI века // Вестник Прикамского социального инст. - 2022. - № 1 (91). - С. 63-70.

10. Святогорова, А.Э. Понятие и содержание механизма гос.-правовой защиты конституц. прав и свобод граждан Российской Федерации / А.Э. Святогорова, С.В. Осаулюк // Органы гос. власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: Сб. науч. тр. VIII Национ. науч.-практ. конф. - СПб., 2025. - С. 571-581.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АПЕЛЛЯЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРИБУНАЛАХ AD HOC

Зиганшин Р.Р.¹¹⁶

Аннотация. В статье анализируется практика международных трибуналов ad hoc в части выявления процессуальных ошибок, служащих основанием для апелляционного пересмотра приговоров. На примере дел показаны взаимосвязь различных видов ошибок и их совокупное влияние на исход разбирательства. Автор предлагает классификацию процессуальных ошибок по последствиям, содержанию и порядку судопроизводства. Делается вывод, что существенными признаются лишь те нарушения, которые подрывают минимальные гарантии справедливого судебного разбирательства и приводят к несправедливому исходу дела.

Ключевые слова: международные трибуналы ad hoc, апелляционное производство, процессуальная ошибка, оценка доказательств, стандарт доказывания, права обвиняемого, справедливое судебное разбирательство, уголовное судопроизводство.

Abstract. The article analyzes the practice of ad hoc international tribunals regarding the identification of procedural errors that serve as grounds for the appellate review of judgments. Using case examples, the interconnection of various types of errors and their cumulative impact on the outcome of the proceedings is demonstrated. The author proposes a classification of procedural errors based on consequences, content, and judicial procedure. It is concluded that only those violations are recognized as substantial that undermine the minimum guarantees of a fair trial and lead to an unjust outcome of the case.

Keywords: ad hoc international tribunals, appellate proceedings, procedural error, assessment of evidence, standard of proof, rights of the accused, fair trial, criminal proceedings.

В статутах и ППД международных трибуналов ad hoc, таких как Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный трибунал для Руанды (МТР), не закреплено, какие именно процессуальные ошибки, допущенные при рассмотрении дела в первой инстанции, могут повлечь изменение или отмену приговора, поэтому для понимания мы обратимся к практике трибуналов.

Одним из центральных элементов правильной оценки доказательств является применение стандарта «вне разумного сомнения». В ряде дел Апелляционная палата МТБЮ подчеркивала, что этот стандарт требует, чтобы вывод о виновности был единственным разумным выводом, который можно сделать на основе совокупности представленных доказательств. Если нижестоящий суд проигнорировал альтернативную гипотезу, то это само по себе может служить основанием для отмены приговора. Так, в деле «Прокурор против

¹¹⁶ Зиганшин Рашит Рашитович - аспирант кафедры конституционного и международного права УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань.

Мико Станишича и Стояна Жуплянина» апелляционная палата установила, что стандарт «вне разумного сомнения» требует исключения не просто любой возможности, а только разумных альтернативных объяснений происшествия¹¹⁷. Это решение было последовательно применено и в других делах, например, в деле «Прокурор против Момчило Краишника», где было подтверждено, что суд должен мотивировать исключение других представленных мнений и доказательств о невиновности обвиняемого¹¹⁸. Этот подход демонстрирует, что апелляция не рассматривает вопрос о виновности заново, но проверяет, был ли вывод нижестоящего суда логически выведен из доказательств без игнорирования очевидных альтернатив.

Апелляционные камеры также уделяли особое внимание анализу косвенных доказательств. В деле «Прокурор против Тарсисса Рензахо» апелляционная инстанция МТР отменила вывод о наличии приказа убивать, поскольку нижестоящий суд не смог объяснить, почему это был единственный разумный вывод из имеющихся доказательств¹¹⁹. Аналогично, в Международном остаточном механизме для уголовных трибуналов (МОМУТ) по делу «Прокурор против Радована Караджича» было подтверждено, что при установлении умысла по косвенным признакам вывод должен быть единственно разумным¹²⁰. Эти примеры показывают, что использование косвенных доказательств само по себе не является проблемой, однако нижестоящий суд обязан предоставить четкую и логически выстроенную мотивировку, объясняющую, почему именно его версия событий является единственной разумной интерпретацией. Отсутствие такой мотивировки воспринимается апелляцией как существенная ошибка в оценке доказательств.

Еще одной важной областью применения такого основания для пересмотра является оценка достоверности свидетельских показаний. Хотя апелляционные камеры признают, что первоначальная оценка свидетельских показаний является прерогативой суда первой инстанции, они могут вмешаться, если эта оценка была совершена явно неправильно. В деле «Прокурор против Ансельма Нзабонимпы, Жана Де Дье Ндагжиманы, Мари Роуз Фатума, Дика Пруденса Муньешули, Огюстена Нгирабатваре» апелляционная палата МТБЮ подчеркнула, что не будет пересматривать оценку достоверности свидетелей на основании их поведения спустя более пяти лет после дачи показаний, чтобы не создавать стимулы к давлению на них. Однако если изменения в показаниях являются фундаментальными и влияют на ключевые факты дела, апелляционная палата

¹¹⁷ The Prosecutor v. Mico Stanisic, Stojan Zupljanin, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case № IT-08-91-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-08-91-A/JUD273R0000483536.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

¹¹⁸ The Prosecutor v. Momcilo Krajišnik, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case № IT-00-39-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-00-39-A/JUD203R0000257121.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

¹¹⁹ The Prosecutor v. Tharcisse Renzaho, ICTR, [Appeals Chamber] Judgement, case № IT-97-31-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. трибунала по Руанде. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/ICTR-97-31/MS14463R0000563704.PDF> (дата обращения: 05.11.2025).

¹²⁰ The Prosecutor v. Radovan Karadžić, MICT, [Appeals Chamber] Judgement, case № MICT-13-55-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. остаточного механизма для уголовных трибуналов. - URL: <https://www.irmct.org/sites/default/files/casedocuments/mict-13-55/appeals-chamber-judgements/en/190320-judgement-karadzic-13-55.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

может пересмотреть всю конструкцию доказательств¹²¹. Например, в деле «Прокурор против Тихомира Блашкича» апелляция учла дополнительные доказательства, представленные на ее заседании, и на их основе пришла к собственному выводу о виновности, что привело к изменению приговора¹²².

Далее рассмотрим еще одну процессуальную ошибку, выражающуюся в нарушении прав обвиняемого, которая является основанием для апелляционного пересмотра решений в трибуналах *ad hoc*. Отметим, что в отличие от технических ошибок в оценке доказательств, нарушение прав подрывает сам фундамент справедливого судебного разбирательства. Апелляционные камеры трибуналов придавали особое значение соблюдению минимальных правовых гарантий, необходимых для защиты интересов обвиняемого. К таким гарантиям относились право на получение надлежащего уведомления о характере и основаниях предъявляемых ему обвинений, право на квалифицированную юридическую помощь, право на защиту от произвольного задержания и содержания под стражей, а также право на беспристрастный и независимый суд.

Одним из самых распространенных видов нарушения прав обвиняемого является недостаточное или некорректное уведомление о форме ответственности. В деле «Прокурор против Огюстена Ндиндилииманы, Франсуа-Ксавье, Нзувонемейе, Инносента Сагахуту» апелляционная палата МТР столкнулась с этой проблемой. Суд первой инстанции признал виновным одного из обвиняемых (Нзувонемейе) в пособничестве убийству премьер-министра Агаты Увиллингииimana и в качестве пособника в убийстве бельгийских миротворцев. Однако апелляционная палата установила, что обвинительное заключение не содержало надлежащего уведомления о возможности осуждения по форме ответственности пособника. Эта ошибка лишала обвиняемого возможности подготовить адекватную защиту. Так как ошибка не была устранена в ходе рассмотрения дела, апелляционная палата отменила соответствующие обвинительные заключения. Похожая ситуация произошла и в отношении другого обвиняемого - Ндиндилиимана, чье осуждение за убийства в Канси было отменено. Апелляционная палата отметила, что отсутствуют доказательства о наличии у обвиняемого фактического контроля над жандармами, совершившими преступления¹²³.

Важно отметить, что апелляционные камеры стремились найти баланс между строгим соблюдением процессуальных норм и практической стороной судебного процесса, указывая, что человеческие действия и их интерпретация всегда несут в себе элемент неопределенности. Вместо этого они применяли

¹²¹ The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean De Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware, MICT, [Appeals Chamber] Appeal of decision on allegations of contempt, case № MICT-18-116-AR90.1. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. остаточного механизма для уголовных трибуналов. - URL: https://www.irmct.org/sites/default/files/case_documents/MOT11025R0000664341.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

¹²² The Prosecutor v. Tihomir Blaškić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case № IT-95-14-A [Электронный ресурс]. // Офиц. сайт Междунар. трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-95-14-A/JUD125R0000193738.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

¹²³ The Prosecutor v. Augustin Ndindiliyimana, Francois-Xavier, Nzuwonemeye, Innocent Sagahutu, ICTR, [Appeals Chamber] Judgment, case № ICTR-00-56-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. трибунала по Руанде. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/ICTR-00-56/MS33572R0000566785.PDF> (дата обращения: 05.11.2025).

тест «несправедливого исхода», согласно которому апелляция должна отменять приговор или другое решение только в том случае, если уверена, что процессуальная ошибка привела к тому, что справедливость не была достигнута. Такой подход, по их мнению, позволяет избежать массовой отмены решений по мелким формальным ошибкам и сосредоточиться на тех нарушениях, которые действительно могли повлиять на результат судебного разбирательства.

Анализ дел, рассмотренных апелляционными палатами МТБЮ и МТР, позволяет также выявить, что ошибки в оценке доказательств и нарушения правовых норм редко существуют в изоляции. Так, дело «Прокурор против Тихомира Блашкича» является одним из самых прецедентных в деятельности МТБЮ. В данном деле апелляция полностью изменила приговор суда первой инстанции, найдя множество одновременно процессуальных ошибок. Обвиняемый, бывший командир Хорватской ополченской обороны, был осужден судом первой инстанции за широкий круг преступлений против боснийских мусульман в Центральной Боснии. Однако апелляционная палата МУТБЮ нашла следующие существенные ошибки. Первая из них – неправильное применение стандарта вины. Суд первой инстанции применил стандарт вины (умысла) для ответственности по приказу (ст. 7(1) статута МТБЮ) на основе уровня осознания лишь «возможности» совершения преступления. Апелляция установила, что для данной формы ответственности необходим более высокий стандарт – осознание «реальной (существенной) вероятности».

Вторая ошибка, установленная апелляцией, заключалась в ответственности командира (ст. 7(3) статута МТБЮ). Здесь стандарт «имел основания знать» был неправильно истолкован. Апелляция подтвердила, что для установления ответственности командира необходимо доказать, что у него имелась информация, которая должна была бы поставить его в известность о преступлениях подчиненных. Кроме этого, было выявлено «ошибочное параллельное осуждение», то есть Блашкичу был вынесен приговор по обоим статьям (7(1) и 7(3)) за одни и те же деяния, что является юридической ошибкой, отменяющей приговор в этой части.

Еще одна ошибка, установленная судом в данном деле, состояла в недостаточности доказательств. Так, на основе совокупности доказательств, включая те, что были представлены суду в апелляционной камере, последняя пришла к выводу, что доказательства виновности Блашкича за многие эпизоды, такие как преступления в Ахмичи и Грабавице, не выдержали проверку на предмет доказывания «вне разумного сомнения». В результате, с учетом всех выявленных ошибок и оправдания по нескольким эпизодам преступлений, приговор был существенно изменен, назначенное наказание Блашкичу было снижено с 45 лет лишения свободы до 9 лет¹²⁴.

Анализ дела «Прокурор против Радислава Крстича» выявил другой тип процессуальной ошибки – ошибку в установлении фактов и умысла, связанную с неправильной оценкой доказательств, которая привела к неверной квалификации преступления. Крстич был осужден судом первой инстанции за геноцид в связи

124 The Prosecutor v. Tihomir Blaškić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case No.IT-95-14-A. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-95-14-A/JUD125R0000193738.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

с расстрелом мужского населения Сребреницы в июле 1995 г. Апелляционная палата признала, что суд первой инстанции допустил существенную ошибку в оценке доказательств, связанных с геноцидным умыслом Крстича, обосновывая это тем, что хотя обвиняемый знал о геноцидных действиях, доказательств его намерения лично участвовать в геноциде недостаточно. В результате действия Крстича нужно было квалифицировать как пособничество геноциду, а не как участие в совместном преступном предприятии. Также была отменена часть приговора, в частности, по поводу казней в Бранжемере, поскольку нижестоящий суд допустил ошибки в оценке показаний свидетеля Драждена Эрдемовича и расшифровок радиопереговоров. С учетом выявленных ошибок приговор был изменен и срок лишения свободы Крстичу был снижен с пожизненного заключения до 35 лет¹²⁵.

На основе представленного анализа можно констатировать, что классификация процессуальных ошибок в международном праве, как представляется, осуществляется по трем критериям: а) по последствиям (существенные и несущественные); б) по содержанию (ошибки при оценке и исследовании доказательств, нарушения прав участников процесса); в) по нарушению порядка судопроизводства (незаконный состав суда, нарушение тайны совещательной комнаты, несоблюдение процедуры отвода и др.).

Практика апелляционных пересмотров в МТБЮ и МТР демонстрирует, что ошибки в оценке доказательств и нарушения правовых норм редко существуют в изоляции. Чаще всего они тесно взаимосвязаны, где одно нарушение усиливает эффект другого. Если бы эти ошибки рассматривались изолированно, их совокупное влияние на исход дела было бы менее очевидным. Понимание такой взаимосвязи имеет решающее значение для всестороннего анализа оснований для апелляции и для оценки справедливости нижестоящего судебного решения¹²⁶.

При выявлении и определении особенностей правового регулирования обжалования судебных решений в деятельности органов современной международной уголовной юстиции доказано, что процессуальные ошибки в деятельности международных судебных органов признаются существенными, если они нарушают минимальные гарантии справедливого процесса, включая право на защиту, надлежащее уведомление о форме ответственности и мотивированную оценку доказательств в свете стандарта «вне разумного сомнения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мезяев, А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном международном уголовном процессе // *Междунар. уголовное право и междунар. юстиция*. - 2010. - № 4. - С. 14-17.

2. The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean De Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware, MICT, [Appeals chamber] Appeal of decision on allegations of contempt, case № MICT-18-116-AR90.1.

¹²⁵ The Prosecutor v. Radislav Krstić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgement, case № IT-98-33-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-98-33-A/JUD116R0000194333.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

¹²⁶ Мезяев, А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном междунар. уголовном процессе // *Междунар. уголовное право и междунар. юстиция*. - 2010. - № 4. - С. 14-17.

[Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов. - URL: https://www.irmct.org/sites/default/files/case_documents/MOT11025R0000664341.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

3. The Prosecutor v. Augustin Ndindiliyimana, Francois-Xavier, Nzuwonemeye, Innocent Sagahutu, ICTR, [Appeals Chamber] Judgment, case №ICTR-00-56-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по Руанде. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/ICTR-00-56/MS33572R0000566785.PDF> (дата обращения: 05.11.2025).

4. The Prosecutor v. Mico Stanisic, Stojan Zupljanin, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-08-91-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-08-91-A/JUD273R0000483536.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

5. The Prosecutor v. Momcilo Krajišnik, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-00-39-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-00-39-A/JUD203R0000257121.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

6. The Prosecutor v. Radislav Krstić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-98-33-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-98-33-A/JUD116R0000194333.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

7. The Prosecutor v. Radovan Karadžić, MICT, [Appeals Chamber] Judgment, case №MICT-13-55-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов. - URL: <https://www.irmct.org/sites/default/files/casedocuments/mict-13-55/appeals-chamber-judgements/en/190320-judgement-karadzic-13-55.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).

8. The Prosecutor v. Tharcisse Renzaho, ICTR, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-97-31-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по Руанде. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/ICTR-97-31/MS34463R0000563704.PDF> (дата обращения: 05.11.2025).

9. The Prosecutor v. Tihomir Blaškić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-95-14-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-95-14-A/JUD125R0000193738.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

10. The Prosecutor v. Tihomir Blaškić, ICTY, [Appeals Chamber] Judgment, case №IT-95-14-A. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. - URL: <https://ucr.irmct.org/LegalRef/CMSDocStore/Public/English/Judgement/NotIndexable/IT-95-14-A/JUD125R0000193738.tif> (дата обращения: 05.11.2025).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В РАМКАХ БРИКС

Морозова С.И.¹²⁷

Аннотация. По мере развития БРИКС (или же БРИКС+) интерес к его сущности как субъекта международного права все возрастает. Потенциал зарождения в его рамках нового формата международного договорного сотрудничества и его воздействие на геополитику и глобальную экономику активно обсуждаются на высших уровнях и среди юристов-теоретиков. В данной статье определяется юридическая природа нормативно-правовых актов БРИКС, проводится сравнение договорной практики объединения с традициями таких международных организаций, как ЕС и ШОС, анализируется модель развития договорной базы и устанавливается значение соглашений БРИКС для международного права в целом. Кроме того, исследуются параллели между мягким и жестким правом, их сосуществование в БРИКС и степень влияния на внутренние и внешние процессы объединения.

Ключевые слова: БРИКС, международная организация, межгосударственное объединение, международное право, международные договоры, мягкое право, жесткое право, международное сотрудничество, принципы международного права, правовая природа.

Abstract. As BRICS (or BRICS+) continues to evolve, scholarly and practical interest in its nature as a subject of international law is steadily increasing. The potential emergence within its framework of a new format of international treaty-based cooperation, as well as its impact on geopolitics and the global economy, is being actively discussed at the highest levels and among legal theorists. This article defines the legal nature of BRICS normative legal acts, compares the association's treaty practice with that of international organizations such as the EU and the SCO, analyzes the model for the development of its treaty framework, and determines the significance of BRICS agreements for international law as a whole. Furthermore, it examines the interplay between soft law and hard law, their coexistence within BRICS, and the extent of their influence on the association's internal and external processes.

Keywords: BRICS, international organization, intergovernmental organization, international law, international treaties, soft law, hard law, international cooperation, principles of international law, legal nature.

Одним из ключевых вопросов, поставленных в настоящий момент перед современными учеными-правоведами, является потенциальное формирование новой модели международного договорного сотрудничества в БРИКС. Кроме того, на повестке дня уже не первый год стоит вопрос о том, что собой представляет такое объединение, как БРИКС, и какое влияние оно оказывает на международные геополитическую, экономическую и правовую системы. Отдельного внимания заслуживают соглашения, заключаемые его государствами-членами между собой, а именно характер принимаемых актов, степень их императивности и влияния

¹²⁷ Морозова Софья Ивановна - аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета.

на внутренние и внешние процессы. Эти документы обычно подписываются на ежегодных саммитах и охватывают три столпа сотрудничества: политику и безопасность, экономику и финансы, культуру и гуманитарные связи.

Прежде всего необходимо отметить, что в научном сообществе продолжают споры о целесообразности именовании БРИКС международной организацией. Сложность возникает преимущественно ввиду отсутствия ряда характерных признаков. Кроме того, ведутся обсуждения в области эффективности сотрудничества стран-участниц. С одной стороны, БРИКС выглядит достойным многополярным противовесом западным коалициям. С другой стороны, некоторые исследователи скептически относятся к подобному альянсу вследствие проблематичности совмещения фундаментально разных внутренних систем государств, входящих в его состав.

Чтобы понять варианты потенциального взаимодействия стран в системе БРИКС, необходимо начать с рассмотрения вопроса о его принадлежности к тому или иному типу современных объединений. В своих декларациях и других официальных документах, а также в онлайн-ресурсах в сети «Интернет» БРИКС именуется межгосударственным объединением Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики (а с 2024 г. также ОАЭ, Эфиопии, Ирана и Египта; с 2025 г. – и Индонезии). Зачастую данное понятие представляется синонимом термину «международная организация», однако в таком контексте это суждение нельзя назвать полностью верным. Как известно, чтобы объединение носило характер международной организации, оно должно соответствовать определенным критериям: обладать учредительным характером, международной правосубъектностью, иметь организационную структуру, вести конкретную и целенаправленную деятельность, соблюдать нормы международного права и подчиняться им.

Основными отличиями БРИКС от традиционных международных организаций являются его статус на международной арене, а также отсутствие учредительного документа, штаб-квартиры и строгой структуры. Фундамент деятельности исследуемого объединения составляют договоренности 2006 г., принципы многопланового сотрудничества и декларации саммитов (например, Йоханнесбургская декларация 2023 г., Казанская декларация 2024 г.), а неформальный статус позволяет не перегружать процессы бюрократическими аспектами. Объединение не обладает полной правосубъектностью в международном праве, решения принимаются консенсусом в рекомендательном формате, выступая координатором действий стран-участниц без черт полноценной организации. Эксперты по-разному оценивают БРИКС: А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцев видят в нем квазиорганизацию по типу G8 или ОБСЕ¹²⁸; С.А. Караганов – «цивилизационный альянс» против западного влияния; Я.Д. Лисоволик – геополитический блок для перезапуска глобализации в интересах Глобального Юга¹²⁹.

¹²⁸ Абашидзе, А.Х., Солнцев, А.М. БРИКС - международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: Материалы научного семинара. - Москва, 9 окт. 2012 г. / Отв. ред. и сост. К.М. Беликова. - М.: Сенат Пресс. 2012. - С. 9-15.

¹²⁹ Лисоволик, Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Междунар. аналитика. - 2023. - Т. 14 (1). - С. 138-148.

Договорная практика БРИКС существенно отличается по степени своей формализации и обязательности от подходов и сложившихся традиций таких объединений, как Европейский Союз и Шанхайская организация сотрудничества. БРИКС полагается на гибкие декларации и отдельные договоры без унифицированной правовой базы, в то время как вышеупомянутые организации и сообщества имеют более структурированные механизмы. К примеру, в БРИКС нет учредительного акта наподобие Лиссабонского договора ЕС и Устава ШОС. Степень императивности договоров также вариативна: наиболее жесткие регламенты и директивы, строго обязательные для всех членов, наблюдаются в Евросоюзе, в то время как в ШОС акцент сделан на достижении консенсуса при относительной жесткости соглашений, а в БРИКС доминирует «полумягкая» модель правовой базы вследствие преобладания деклараций рекомендательного характера и выборочной ратификации договоров.

Основой взаимодействия государств в рамках БРИКС являются фундаментальные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН (принципы суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств, мирного разрешения споров), и отраслевые нормы экономического права. Эти каноны подчеркивают равноправие участников без передачи суверенитета, что отличает объединение от сверхнациональных структур вроде ЕС. Более того, одной из особенностей БРИКС являются ее уникальные принципы: равноправие, инклюзивность, взаимная выгода. Эти принципы имеют мягкий рекомендательный характер, но со временем они вполне могут эволюционировать в более жесткие международные нормы, обязательные для всех членов объединения.

Непосредственный анализ роли заключенных в рамках БРИКС соглашений следует начать с определения их правовой природы. Рассматриваемые соглашения не образуют единую формальную систему международных договоров, поскольку само объединение не является полноценной международной организацией с учредительным актом, постоянными органами и автономной правосубъектностью. Правовая природа договоров БРИКС сочетает в себе элементы норм обязательного характера и так называемого мягкого права. Эти документы регулируют экономическое и финансовое сотрудничество стран-участниц, опираясь на принципы суверенного равенства, невмешательства и взаимной выгоды, соответствующие основным нормам международного права.

Что касается императивных норм и источников международного права, на данный момент в БРИКС существует два международных договора, подписанных его государствами-членами. К ним относятся принятые в 2014 г. Соглашение о Новом банке развития (Agreement on the New Development Bank, or NDB) и Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС (Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement, or CRA).

Новый банк развития с уставным капиталом в 100 млрд. долл. США (по 20% от каждой страны-основателя) дополняет существующие многосторонние институты вроде Международного валютного фонда и Всемирного банка, предлагая займы, гарантии и инвестиции без строгих политических условий. Статья 1 Соглашения о Новом банке развития гласит: «Банк мобилизует ресурсы

для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, дополняя деятельность, осуществляемую многосторонними и региональными финансовыми институтами в интересах глобального роста и развития. Для выполнения поставленной цели Банк поддерживает государственные или частные проекты путем предоставления займов, гарантий, участия в капитале и иных финансовых инструментов. Банк также сотрудничает с международными организациями и другими финансовыми институтами и оказывает техническое содействие по проектам, поддерживаемым Банком»¹³⁰. Банк нацелен на реформирование глобальной финансовой архитектуры в интересах развивающихся стран.

Пул условных валютных резервов служит некой самоуправляемой «подушкой безопасности», повышая устойчивость финансовых систем государств БРИКС к таким внешним факторам, как валютные кризисы или снижение уровня экспорта. Он способствует укреплению мировой стабильности через инструменты ликвидности и превентивной помощи. В ст. 1 Договора о создании Пула указано следующее: «Пул – это основа для предоставления поддержки для противодействия фактическому или потенциально возможному краткосрочному давлению на платежные балансы путем использования инструмента предоставления ликвидности и превентивного инструмента»¹³¹. Общий объем Пула также составляет 100 млрд. долл. США (но в данном случае доли государств-членов в этой сумме неравны), благодаря чему появляется возможность предоставлять срочные займы не только в долларах, но и в национальных валютах стран-участниц, избегая неблагоприятных условий со стороны Международного валютного фонда.

Новый банк развития и Пул условных резервов создают параллельные механизмы финансирования, снижая зависимость международных финансовых гигантов. Также они способствуют так называемой дедолларизации, то есть тенденции к расчету в национальной валюте, концентрируются на подписании договоров в сфере торговли и на инвестиционных потоках, что аналогично снижает зависимость от установленных Западом стандартов. Все это стимулирует гармонизацию существующих торговых и миграционных норм. Ключевые договоры (NDB и CRA) ратифицированы всеми государствами-членами и имеют юридическую силу, в отличие от деклараций саммитов. Так, можно сделать вывод, что нормативно-правовая база БРИКС эволюционировала от мягкого права к смешанной модели.

Остальные документы БРИКС представляют собой в основном декларации, стратегии и резолюции саммитов – акты мягкого права, не имеющие прямой юридической силы в качестве договоров, но фиксирующие согласованные позиции по вопросам глобального управления (например, Йоханнесбургская и

¹³⁰ Соглашение о Новом банке развития: Подписано 15.07.2014 г. в г. Форталеза; Ратифицировано Федер. законом РФ от 08.03.2015 г. № 29-ФЗ // Собр. законодат. РФ. - 2016. - № 12. - Ст. 1587. - Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50003/ (дата обращения: 22.02.2026).

¹³¹ Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС: Подписан 15.07.2014 в г. Форталеза; Ратифицирован Федер. законом РФ от 02.05.2015 г. № 107-ФЗ // Договоры и правовые акты. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50009/ (дата обращения: 22.02.2026).

Казанская декларации)¹³². Исключения составляют специализированные договоры, ратифицированные государствами-членами объединения и обязательные для исполнения, подробно описанные ранее.

Эволюция договорной базы БРИКС отражает переход от неформальных деклараций к началу создания специализированных институтов и расширению сфер сотрудничества. Этот процесс затрагивает период с 2009 г., когда объединение обрело институциональную основу, до недавнего расширения в 2024-2025 гг., когда к объединению прибавились ОАЭ, Эфиопия, Иран, Египет и Индонезия.

Так, развитие правовой базы БРИКС можно условно разделить на следующие этапы:

- 2009-2011 гг. (формирование): первый саммит БРИКС в Екатеринбурге в 2009 г. заложил коммуникацию о реформе МВФ и Всемирного банка; созданы рабочие группы в области финансов и торговли.

- 2012-2014 гг. (институционализация): подписаны Соглашение о Новом банке развития и Договор о Пуле условных валютных резервов.

- 2015-2016 гг. (диверсификация): стратегия экономического партнерства 2015 г.; направленность на развитие инфраструктуры и привлечение технологий.

- 2017-2023 гг. (расширение сфер): стратегия 2021 г. на 4-летнее развитие; фокус на цифровизацию, устойчивое развитие, поддержание здоровья наций; согласование меморандумов по торговле и инвестициям.

- 2024-2026 гг. (глобализация): расширение до БРИКС+; планирование создания единой платежной системы и реформы глобального управления.

Отдельного внимания заслуживает вклад, вносимый «симбиозом» стран БРИКС в развитие международного права. В первую очередь происходит содействие современному многополярному миру. Объединение выступает за реформирование ООН и ВТО и предлагает усилить действие принципов суверенного равенства государств, а также отойти от односторонних санкций и поспособствовать зарождению многосторонней торговой системы. К тому же продвигаются альтернативные модели международного сотрудничества: формат «единства в разнообразии», трансконтинентальное взаимодействие и т.д.

Соглашения БРИКС играют большую роль в совершенствовании современного международного права, продвигая принципы многополярности, суверенного равенства и реформации международных институтов. Они дополняют договоры обязательного характера своим мягким правом, усиливая роль Глобального Юга в формировании общих норм.

Таким образом, БРИКС можно охарактеризовать как инициатора плодотворного сотрудничества государств, входящих в его состав, готовых не только предложить определенные договоренности на основе своих интересов, но и пойти на политическое и правовое сближение своих национальных систем с правовыми системами партнеров. Несмотря на расхождения в юрисдикциях и разные правовые семьи, страны БРИКС продолжают выстраивать механизмы сотрудничества на основе уважения суверенитета, принципа невмешательства во внутренние дела и стремления к формированию справедливого, многополярного мирового порядка, при этом активно обмениваясь опытом и адаптируя лучшие

¹³² Казанская декларация. - Казань, РФ, 23 окт. 2024 г. - URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCf-WDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

правовые практики друг друга для ослабления западного влияния и продвижения национальных интересов. Более того, БРИКС продолжает обогащать принцип международного сотрудничества инклюзивностью и взаимной выгодой, заменяя устаревшие правовые и финансовые модели. На примере появившихся Нового банка развития и Пула условных валютных резервов прослеживается постепенный переход от полностью мягкого права к «полужестким» институциональным механизмам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе, А.Х., Солнцев, А.М. БРИКС-международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: Материалы науч. семинара. - Москва, 9 окт. 2012 г. / Отв. ред. и сост. К.М. Беликова. - М.: Сенат Пресс, 2012. - С. 9-15.
2. Ануфриева, Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 12 (109). - С. 123-133.
3. Глушаков, А.Ю., Соболевская, А.И. Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС // Ленинградский юрид. ж-л. - 2024. - № 4 (78). - С. 98-112.
4. Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС: Подписан 15.07.2014 г. в г. Форталеза; Ратифицирован Федер. законом РФ от 02.05.2015 г. № 107-ФЗ // Договоры и правовые акты. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50009/ (дата обращения: 22.02.2026).
5. Казанская декларация. - Казань, РФ, 23 окт. 2024 г. - URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).
6. Ким, В.В. Перспективы междунар. сотрудничества пенитенциарных систем стран БРИКС // Вестник Кузбасского инст. - 2016. - № 2 (27). - С. 27-33.
7. Лисоволик, Я.Д. БРИКС+ как новая сила в глобальном управлении // Междунар. аналитика. - 2023. - Т. 14 (1). - С. 138-148.
8. Пчелинцева, В.В. Междунар. сотрудничество стран БРИКС в сфере вынужденной миграции: актуальные вопросы и перспективы // Право и управление. XXI век. - 2023. - № 19 (4). - С. 95-107.
9. Соглашение о Новом банке развития: Подписано 15.07.2014 г. в г. Форталеза; Ратифицировано Федер. законом РФ от 08.03.2015 г. № 29-ФЗ // Собр. законодат. РФ. - 2016. - № 12. - Ст. 1587. - Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50003/ (дата обращения: 22.02.2026).
10. Уткин, Н.И., Шеншин, В.М. О расширении БРИКС и его последствиях для установления многополярного мира // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2024. - № 1 (62). - С. 61-73.

ИНТЕРВЬЮ С ОВИД КПАНЬА МАНЗАНГА (Демократическая Республика Конго (ДРК), г. Киншаса)

Манзанга Овид Кпанья - кандидат юридических наук, ученый из Демократической Республики Конго (ДРК), г. Киншаса. В 2023 г. он защитил диссертацию на тему: «Понятие и виды сроков в международном уголовном праве» по специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки». На момент защиты и подготовки диссертации он был аспирантом юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) на кафедре международного и европейского права. Александр Борисович Мезяев был его официальным оппонентом.

- Мотрохин Е.Ю., ответственный редактор «Казанского журнала международного права и международных отношений»: Ваши научные исследования в сфере юриспруденции имели точки соприкосновения с научной деятельностью А.Б. Мезяева?

- Манзанга Овид Кпанья: Основная сфера моих научных интересов - это процессуальные аспекты международного уголовного правосудия, в частности, проблемы сроков и защиты прав жертв. Среди моих ключевых работ: 1) «Защита жертв от задержек международного уголовного правосудия: миф или реальность?», опубликованная в журнале «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» в 2023 г. В ней сделан вывод о том, что жертвы международных преступлений фактически не защищены от задержек правосудия; 2) статья «Delays in international criminal justice: What impact does it have on victims' rights?», опубликованная в индонезийском журнале «Ius Poenale» в 2023 г. В работе анализируется влияние задержек в международном уголовном правосудии на права жертв. Профессор А.Б. Мезяев на момент нашего знакомства уже занимался разумными и разнообразными сроками в международном уголовном разбирательстве. Я бы сказал, что мы с ним легко нашли общий язык. Быстро

получил обратную связь о том, что мы будем тщательно сотрудничать в отношении актуальных вопросов международного права.

- **КЖМП:** Давайте поговорим о том, каким человеком в реальной жизни был профессор. Когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Александром Борисовичем?

- **Манзанга Овид Кпанья:** Во время обучения в аспирантуре Казанского (Приволжского) федерального университета у меня была возможность слушать лекции профессора А.Б. Мезяева, выступать совместно на нескольких научных конференциях. Сразу же я понял, насколько он умный человек и знает многое, особенно в отношении африканской правовой культуры. Во время подготовки к защите кандидатской диссертации я близко познакомился с ним, нам пришлось связаться в рамках короткой неформальной беседы. Александр Борисович выступал в качестве одного из официальных оппонентов. Я был приглашен к нему домой, мне удалось впервые посетить его гостиную, которая напоминала библиотеку, - очень много книг, в том числе тех, которые он сам написал. Мы обсуждали мою диссертацию. Дискуссия была содержательной, и благодаря этому я получил более глубокое понимание темы моей диссертации, тех аспектов, которые ранее не обсуждались. Мы разговорились о том, что иногда возникают противоречия между правом обвиняемого в ходе судебного разбирательства.

Кроме того, он мне сообщил, что болен, поскольку недавно выписался из больницы. Несмотря на состояние здоровья, он был рад прочитать мою диссертацию и поговорить со мной, потому что заинтересовался темой моей работы.

- **КЖМП:** Александр Борисович был Вашим официальным оппонентом на защите диссертации?

- **Манзанга Овид Кпанья:** Надо отметить, что профессор Мезяев был объективен, очень точен и превосходен в своих замечаниях во время защиты моей диссертации. И после защиты я заметил, что Александр Борисович был рад тому, что, в конце концов, я защитился с отличием. Наверное, такая радость объясняется тем фактом, что у нас были несколько разные точки зрения по теме моей диссертации. Но как ученый и с согласия моего научного руководителя, уважаемого профессора Гульнaры Шайхутдиновой, я придерживался своей позиции.

- **КЖМП:** Каким Вам запомнился Александр Борисович?

- **Манзанга Овид Кпанья:** Несколько лет после защиты мы продолжали с ним общаться, разговаривать, несмотря на то, что я уехал из Казани и находился в Киншасе. В какой-то момент у него перестал работать телефон. Я думал, что это было связано с сетью, но за этим молчанием скрывалось ужасное событие.

На самом деле я был потрясен, узнав о его смерти. Рыдая, написал эти несколько строк, которые не смог дважды перечитать. Александр Борисович - большой Человек, который проявлял доброту и отзывчивость, уверенный в себе Ученый.

Его я помню как трудолюбивого и целеустремленного человека, который всегда стремился учиться и помогать другим. Это высшая характеристика Ученого с большой буквы.

Дорогой и Уважаемый профессор Мезяев Александр Борисович, я никогда не забуду Вас. Покойтесь в вечности. Вы думали и много написали о сроках в международном праве, сейчас Вы спокойно живете без срока.

- **КЖМП:** Благодарим Вас, успехов и процветания Вашей Родине!

